

Изданія Ф. Павленкова:

МУЧЕНИКИ НАУКИ

Г. ТИССАНДЬЕ

Переводъ съ французскаго подъ редакціей

Ф. ПАВЛЕНКОВА

Съ 34 гравюрами и 20 портретами въ текстѣ

Цѣна 2 руб. 50 коп.

Спб. 1880 г. 360 стр. на веленовой гласированной бумагѣ.

Содержаніе: I. Въмѣсто введенія: Герои труда и мученики научнаго прогресса (3 рис.)—II. Завоеваніе земного шара (8 рис.)—III. Исслѣдованіе высшихъ слоевъ атмосферы (2 рис.)—IV. Открытіе системы міра (7 рис.)—V. Научный методъ (8 рис.)—VI. Книгопечатаніе (3 рис.)—VII. Творцы наукъ (2 рис.)—VIII. Промышленность и машины (5 рис.)—IX. Пароходы и желѣзныя дороги (4 рис.)—X. Врачи (2 рис.)—XI. Наука и отечество (7 рис.)—XII. Трудовая армія науки (2 рис.)—Приложеніе.—Алфавитный указатель.

ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ

Опытъ естественно-научной философіи

А. СЕККИ.

Переводъ съ французскаго Ф. Павленкова

Цѣна 2 руб. 50 коп.

Спб. 1880 г. 2-е значительно дополненное изданіе, съ 63 гравюрами въ текстѣ, портретомъ автора и приложеніемъ публичной лекціи Тиндалля: «Роль воображенія въ развитіи естественныхъ наукъ». Все сочиненіе распадается на четыре отдѣла: 1) Теплота (15 главъ), 2) Свѣтъ (10 главъ), 3) Электричество (17 главъ) и 4) Строеніе матеріи (5 главъ), Каждый изъ нихъ снабженъ введеніемъ и заключительнымъ обзоромъ. Кроме того, книга снабжена общимъ обширнымъ вступленіемъ и заключеніемъ. Въ книгѣ 450 страницъ самой убористой печати.

РОЛЬ

89

ОБЩЕСТВЕННАГО МІЪНІЯ

ВЪ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Ф. Гольцендорфа.

Переводъ съ нѣмецкаго языка и редакція

П. Θ. АННЕНСКАГО.

Изданіе Ф. Павленкова.

Цѣна 75 коп.

XV-8202

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія д-ра М. А. Хана, Поварской пер., д. № 2.

1881.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Глава I. Общественное мнѣніе какъ предметъ научнаго изслѣдованія	1
— II. Общественное мнѣніе въ классиче- скомъ мірѣ и въ средніе вѣка	13
— III. Общественное мнѣніе въ новое время.	21
— IV. Понятіе общественнаго мнѣнія, вы- ясняемое его противоположностями.	37
— V. Предметъ и содержаніе обществен- наго мнѣнія	68
— VI. Процессъ образованія общественнаго мнѣнія.	89
— VII. Общественное мнѣніе и печать. . .	103
— VIII. Задачи государства по отношенію къ общественному мнѣнію.	118

Дозволено ценз. Спб. 13 февраля 1881 г.

РОЛЬ
ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ
ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

Выпуская переводъ книги Гольцендорфа, считаемъ необходимымъ объяснить въ нѣсколькихъ словахъ, почему именно мы рѣшились остановить на ней вниманіе русской публики.

Быть можетъ, многое въ этой книгѣ покажется читателю не вполне примѣнимымъ къ условіямъ нашей дѣйствительности; затѣмъ нѣкоторыя мнѣнія автора и по самому существу представляются довольно сомнительными. Но во всякомъ случаѣ, тѣ общіе выводы о роли и значеніи общественнаго мнѣнія въ государственной жизни, къ которымъ приходитъ профессоръ Гольцендорфъ, имѣютъ несомнѣнный и жизненный интересъ. Интересъ этотъ отнюдь не уничтожается частными недостатками сочиненія: напротивъ того, требованіе полного простора и свободы для безпрепятственнаго созданія и выраженія общественнаго мнѣнія, пріобрѣтаетъ особое значеніе въ устахъ такого писателя, какъ

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО МНѢНІЯ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

ГЛАВА I.

Общественное мнѣніе какъ предметъ научнаго исслѣдованія.

Общественное мнѣніе, какъ одно изъ откровеній народнаго духа, не можетъ быть оставлено безъ вниманія политической наукою. Исторія созданія государственныхъ формъ послѣдняго времени и тѣхъ направленій, которыя проявлялись въ политической жизни, будетъ понятна только отчасти, если мы не примемъ въ соображеніе то усиливавшагося, то ослабѣвавшего вліянія общественнаго мнѣнія на взгляды и поступки передовыхъ государственныхъ дѣятелей. Блюмчли, нѣсколько разъ высказавшій при разныхъ строяхъ взглядъ свой на общественное мнѣніе, такъ говоритъ о немъ, въ «Словарѣ государственныхъ наукъ»: «За послѣднее столѣтіе сила общественнаго мнѣнія въ цивилизованномъ мірѣ неслыхано возрасла. Каждый государственный дѣятель вынужденъ принимать во вниманіе эту новую «великую держа-

Гольцендорфъ, писателя, котораго никакъ нельзя причислить къ «крайнимъ» и который не shades мрачныхъ красокъ для изображенія слабыхъ сторонъ современнаго демократическаго направленія на западѣ. Напомнимъ кромѣ того, что, какъ ученый, Гольцендорфъ пользуется заслуженнымъ авторитетомъ въ области государственовѣдѣнія.

Мы позволили себѣ сдѣлать въ переводѣ нѣкоторыя сокращенія, отнюдь впрочемъ не искажающія смысла подлинника. Сокращенія эти относятся преимущественно къ двумъ послѣднимъ главамъ сочиненія: жалобы на опасности отъ «чрезмѣрнаго вліянія» ежедневной прессы на государственную жизнь въ книгѣ, адресованной къ русской публикѣ, были бы уже слишкомъ похожи на иронію.

ву». Общественное мнѣніе стало авторитетомъ для невѣжественныхъ массъ и предметомъ изучения для мудрыхъ. Необходимое условіе для существованія общественнаго мнѣнія составляетъ свободное сужденіе мыслимое въ политикѣ, но вполне чуждое сферѣ религиозныхъ понятій. Безъ развитія мыслительной и критической способности общественное мнѣніе не возможно; достигнуть полной силы оно можетъ только при свободѣ народной жизни. Общественное мнѣніе есть по преимуществу мнѣніе среднихъ классовъ общества, отсюда понятно его особо важное значеніе для настоящаго времени, когда вліяніе этихъ классовъ достигло своего высшаго развитія».

«Считать общественное мнѣніе непогрѣшимымъ и присвоивать ему вслѣдствіе этого право на господство было бы крайнимъ преувеличеніемъ. Подъ вліяніемъ минутнаго увлеченія толпы оно способно заблуждаться, оно можетъ быть даже искусственно направлено на ложный путь. Не менѣе неразумно и высокоумное презрѣніе къ общественному мнѣнію; неразумно потому уже, что общественное мнѣніе есть нравственная лига. Его значеніе опирается на всеобщее сознаніе народа. Нельзя не считать благодѣтельнымъ тотъ фактъ, что народъ можетъ составлять себѣ нравственные понятія и здравыя сужденія о справедливомъ и несправедливомъ, о необходимомъ и полезномъ, о вредномъ

и пагубномъ для общества. Общественное мнѣніе можно сравнить съ хоромъ классическихъ трагедій. Въ общемъ ходѣ жизни оно тоже, что приговоръ присяжныхъ въ уголовномъ процессѣ. Оно складывается подъ вліяніемъ массы разнообразныхъ впечатлѣній и выражается въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: въ обыкновенномъ разговорѣ, въ семьѣ, въ гостинной, въ трактирѣ, въ собраніяхъ всякаго рода, преимущественно же въ прессѣ и народномъ представительствѣ.

«Общественное мнѣніе находится подъ постояннымъ вліяніемъ духа времени, который его вызываетъ и направляетъ. Нельзя сказать, что общественное мнѣніе властвуетъ: оно не можетъ властвовать и не стремится къ этому. Оно представляетъ собою общественную силу, но не общественную власть».

Такъ писалъ Блюнчли въ 1862 г. Въ существенныхъ чертахъ взглядъ этотъ повторяется и въ его «Politik (1876 г.); хотя послѣ той перемѣны, которую произвело въ общественныхъ отношеніяхъ Германіи введеніе въ 1867 г. всеобщаго избирательнаго права, доставившаго низшимъ классамъ значеніе, котораго они до того времени не имѣли, Блюнчли не приписываетъ уже такъ рѣшительно среднему сословію роли преимущественнаго выразителя общественнаго мнѣнія. Общественное мнѣніе, какъ органъ народной воли наравнѣ съ прессой, сходками

и народными собраниями систематически противопоставляется у него власти правительственной.

Еще раньше Нибуэр придавал общественному мнѣнію—въ тѣх случаяхъ, когда оно является выразителемъ всеобщаго самостоятельно составленнаго, а не подсказаннаго, сужденія—значеніе «гласа Божьяго»; повидимому онъ предполагалъ при этомъ существованіе известнаго рода единогласія въ общественномъ мнѣніи.

Совершенно иначе, чѣмъ Нибуэр смотритъ на общественное мнѣніе Гегель. По Гегелю общественное мнѣніе достойно въ одно и тоже время и уваженія и презрѣнія; перваго—по своей сущности, втораго—въ своей конкретной формѣ. Такъ какъ общественное мнѣніе лишено твердаго критерія, то полная независимость отъ него является первымъ условіемъ для достиженія чего-либо великаго какъ въ жизни, такъ въ наукѣ.

Взглядъ Блюнчли на общественное мнѣніе и на связь послѣдняго со значеніемъ средняго сословія, естественно долженъ былъ встрѣтить противниковъ въ лицѣ писателей, которые, какъ Фердинандъ Лассаль въ Германіи и Пьетро Эллеро въ Италіи, оспаривали экономическое, политическое и духовное превосходство средняго сословія надъ народными массами.

Съ иной точки зрѣнія, чѣмъ большинство политическихъ мыслителей оцениваетъ значеніе общественнаго мнѣнія Шефле. Онъ рассматри-

ваетъ его какъ психическій фактъ въ социальной жизни, какъ проявленіе народнаго духа. Шефле имѣетъ при этомъ въ виду процессъ духовной координаціи между социальными массами и руководящими центрами (авторитетами), устанавливаемый какъ духовнымъ руководствомъ массами со стороны активно дѣйствующихъ силъ, такъ и обратнымъ пассивнымъ воздействиемъ массъ на эти силы. Онъ всюду ставитъ рядомъ гласность, публичность, общественное мнѣніе и прессу.

По возрѣнію Шефле общественное мнѣніе есть реакція общества, понятій, нравовъ народа, его воли, на руководящія взгляды, мнѣнія и склонности. Безъ общественнаго мнѣнія достиженіе такихъ общественныхъ цѣлей, которыя обуславливаются участіемъ народа или известныхъ классовъ народа, было бы едва ли возможно. Значеніе общественнаго мнѣнія то преувеличивается, то умаляется; вообще оно не представляетъ собою одного общаго потока, но массу разнообразныхъ, часто другъ другу противоположныхъ теченій.

Уже изъ приведенныхъ немногихъ указаній на взгляды писателей, разсматривавшихъ общественное мнѣніе въ связи съ государственною и общественною жизнью въ ея цѣломъ, можно судить какая разнообразная оценка значенія общественнаго мнѣнія въ отдѣльныхъ случаяхъ встрѣчается какъ въ отзывахъ государственныхъ

дѣателей, такъ и въ партійной прессѣ и въ парламентскихъ дебатахъ. Нерѣдко даже со стороны однихъ и тѣхъ же лицъ можно услышать то порицаніе, то превознесеніе общественнаго мнѣнія; смотря по обстоятельствамъ изъ него то создаютъ судебный трибуналъ, то совершенно отвергаютъ его значеніе. При всемъ своемъ разнообразіи, всѣ возрѣнія на общественное мнѣніе, высказывавшіяся въ теченіи столѣтій, сходятся однако въ одномъ: всѣ они признаютъ, что общественное мнѣніе представляетъ реальную силу, игнорировать которую не сообразно съ правилами государственной мудрости; точно также всѣ согласны, что точная оцѣнка значенія общественнаго мнѣнія для средняго случая невозможна. Въ остальномъ мы находимъ крайнее разногласіе. Разногласіе это касается главнымъ образомъ:

- 1) Опредѣленія общественнаго мнѣнія, именно вопроса о томъ когда именно извѣстное мнѣніе можетъ быть признано за общественное.
- 2) Процесса образованія общественнаго мнѣнія.
- 3) Истиннаго субъекта общественнаго мнѣнія.

Главнѣйшій вопросъ при этомъ: слѣдуетъ ли имѣть въ виду только извѣстные классы общества или весь народъ.

Общественное мнѣніе можетъ по этому составить предметъ научнаго изслѣдованія во мно-

гихъ отношеніяхъ. Для психолога представляетъ интересъ прослѣдить ближе соподчиненіе между процессами духовной жизни индивида и общества. Изслѣдованіе различнаго состоянія общественнаго мнѣнія у разныхъ народовъ и въ разные времена; преобладаніе въ немъ то космополитическихъ, то національныхъ идей, входитъ въ область исторіи культуры.

Для общаго государственнаго права изученіе общественнаго мнѣнія важно настолько, насколько прочность и не измѣнность государственныхъ формъ и законовъ находится въ зависимости отъ извѣстнаго отношенія къ нимъ общественнаго мнѣнія. Наконецъ для политика-практика важно распознать самое существованіе общественнаго мнѣнія при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ и найти критерій для опредѣленія значенія его въ каждомъ частномъ случаѣ, что бы получить такимъ образомъ возможность сообразовать съ нимъ свою дѣятельность.

Публичные выраженія уваженія и не уваженія къ общественному мнѣнію, во всѣхъ ихъ разнообразныхъ оттѣнкахъ, въ самой существенной степени опредѣляются обыкновенно субъективными мотивами страха или отвращенія съ одной стороны, симпатій и надеждъ съ другой. Не малая роль при этомъ принадлежала и самолюбію.

Важность задачи, лежавшей въ правильномъ истолкованіи общественнаго мнѣнія, сознавалось

и въ Германіи. Вѣко полагалъ, что прогрессъ человѣческой культуры опредѣляется немудростью отдѣльныхъ единицъ, окруженныхъ невѣжественной и безучастной толпой, но въ гораздо большей степени смысленностью всего народа и среднимъ уровнемъ его умственного развитія. Романъ-оши, повидимому, не считалъ себя въ силахъ подойти ближе къ рѣшенію задачи, важность которой имъ была хорошо сознава. Между новѣйшими философами права въ Италіи Габба высказывается въ такомъ смыслѣ: «Одно изъ наиболѣе важныхъ проявленій духовной жизни людей, живущихъ въ общественномъ союзѣ, или лучше главнѣйшее содержаніе этой жизни есть общественное мнѣніе. Это одно изъ тѣхъ явленій, на которыя и ученые и не ученые люди постоянно ссылаются, какъ при обсужденіи общественныхъ отношеній, такъ равно въ практикѣ государственнаго управленія и при однихъ поступковъ отдѣльныхъ личностей. Тѣмъ не менѣе до сихъ поръ мы не имѣемъ еще удовлетворительнаго ученія о происхожденіи и образованіи общественнаго мнѣнія, и нельзя сказать даже что бы всегда достаточно помнили объ этой задачѣ. У многихъ древнихъ и новыхъ писателей встрѣчаются только отрывочныя замѣчанія объ истинномъ значеніи общественнаго мнѣнія».

Болѣе точное изслѣдованіе сущности общественнаго мнѣнія важно не только для изученія психическаго процесса коллективнаго сознанія

общества, но и для государственной науки. Наука положительнаго права должна также принять участіе въ изслѣдованіи этого вопроса.

Какое отношеніе существуетъ между общественнымъ мнѣніемъ и правовымъ сознаніемъ народа? Направленное въ данное время на тѣ или иные вопросы законодательства или проявляющееся въ судахъ путемъ дѣйствительнаго примѣненія и толкованія законовъ, общественное мнѣніе представляетъ ли собою нѣчто отличное отъ народнаго правосознанія, хотя и имѣющее общее съ нимъ происхожденіе? Едва-ли можно отвергать, что во многихъ странахъ общественное мнѣніе въ весьма значительной степени воздѣйствуетъ на ходъ уголовного судопроизводства, какъ непосредственно, въ видѣ приговоровъ присяжныхъ, такъ и посредственно—вліяніемъ на судей.

Въ нѣмецкомъ уголовномъ законодательствѣ не выработанное еще понятіе объ общественномъ мнѣніи пріобрѣтаетъ положительное юридическое значеніе. «Кто сознательно взведетъ на другаго какое-либо ложное дѣяніе, могущее повлечь за собой презрѣніе или униженіе въ общественномъ мнѣніи, или повредить кредиту потерпѣвшаго, подлежитъ, какъ за клевету, тюремному заключенію на срокъ не свыше двухъ лѣтъ и, если клевета учинена публично и т. д.— не менѣе одного мѣсяца (§ 187 R.-Str.-B.). Подобныя же постановленія изложены §§ 186 и 189.

Ни одинъ изъ комментаторовъ нѣмецкаго уголовного законодательства не счелъ нужнымъ подвергнуть болѣе близкому изслѣдованію вопросъ объ отношеніи судьи къ общественному мнѣнію; между тѣмъ здѣсь можетъ возникать масса сомнѣній. Можетъ ли въ частномъ случаѣ быть оснаниваемо существованіе по данному предмету общественнаго мнѣнія и, слѣдовательно, должно ли оно составлять предметъ доказательства? Можно ли придавать неправильному толкованію общественнаго мнѣнія со стороны отвѣтчика значеніе одинаковое съ неправильнымъ поступкомъ? Легко можетъ случиться что иностранецъ, незнакомый съ состояніемъ общественнаго мнѣнія страны, будетъ привлеченъ къ отвѣтственности за поступокъ, который по взглядамъ его страны не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго чести. Кромѣ того при существующихъ условіяхъ возможно предположить, что въ промежутокъ времени между моментомъ совершения преступленія и судебнымъ разбирательствомъ произойдетъ внезапное измѣненіе въ состояніи общественнаго мнѣнія. Долженъ ли судья принимать во вниманіе это измѣненіе или нѣтъ? Какими источниками для распознаванія общественнаго мнѣнія располагаетъ судья? Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, кажется, что судьи при обсужденіи обвиненій въ оскорбленіи не обинуясь принимаютъ свои собственныя по-

нятія о чести за выраженіе общественнаго мнѣнія.

Общественное мнѣніе не остается безъ вліянія и на уголовное законодательство. Особенно важное значеніе имѣетъ при этомъ система возбужденія преслѣдованія. Тамъ, гдѣ, какъ въ Англіи, общественная безопасность почти всецѣло поручена заботамъ самихъ гражданъ, предоставленіемъ обвинительной функціи частнымъ лицамъ—примѣненіе уголовныхъ законовъ зависить въ сильной степени отъ общественнаго мнѣнія. Частные обвинители не могутъ не сообразоваться съ нимъ.

Что касается международнаго права, то важное значеніе въ его сферѣ общественнаго мнѣнія признается такимъ авторитетомъ какъ Гефтеръ. Къ числу способовъ для улаженія международныхъ распрей, онъ причисляетъ «обнародованіе мемуаровъ и записокъ съ ясно выраженнымъ или подразумеваемымъ воззваніемъ къ общественному мнѣнію», послѣ того какъ обмѣнъ дипломатическихъ нотъ окажется не достигающимъ цѣли или будетъ прерванъ.

Нерѣдко вліяніе общественнаго мнѣнія выходитъ за предѣлы отдѣльнаго государства. Оно находитъ себѣ почву во всемъ цивилизованномъ мірѣ, возставая противъ произвола, злоупотребленій, нарушеній договоровъ и проявленій варварства.

Съ другой стороны было бы вполнѣ неспра-

ведливо полагать, что общественное мнѣніе оказывало вліяніе только въ политическихъ движеніяхъ нашего времени. Не смотря на преобладаніе въ немъ политическаго элемента, общественное мнѣніе болѣе или менѣе отражается и на управленіи правосудія, и потому не должно быть игнорируемо законодательствомъ. Но помимо того вниманія, котораго оно заслуживаетъ со стороны государственнаго дѣятеля и въ которомъ не должны отказывать ему и юристы, нельзя не упомянуть о значеніи общественнаго мнѣнія въ экономической жизни народа. Состояніе государственнаго кредита, цѣнность разныхъ государственныхъ бумагъ, экономическіе кризисы находятся въ зависимости отъ общественнаго мнѣнія. Важнѣйшія биржи Европы и Америки испытываютъ на себѣ это вліяніе. Уже одинъ фактъ господства общественнаго мнѣнія въ сферѣ денежнаго обращенія и международнаго кредита достаточно, чтобы сдѣлать понятнымъ, въ какой мѣрѣ современное государство, въ столь существенныхъ своихъ управленіяхъ какъ устройство финансовъ и удовлетвореніе денежныхъ потребностей—обуславливающее и самое достиженіе культурныхъ цѣлей государства—находится подъ вліяніемъ, въ его лежащаго, могущественнаго фактора. Общественное мнѣніе, какъ единогласно свидѣтельствуютъ европейскія биржи, постоянно воздѣйствуетъ на высшую политику государствъ, нуждающихся въ кредитѣ.

Всестороннее изображеніе сущности общественнаго мнѣнія представило бы задачу существенно важную, но вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ обширную. Такая высокая цѣль не достижима для предпринятаго нами труда. Его задача—наглядно представить то мѣсто, которое занимало общественное мнѣніе въ ходѣ всемірно историческаго прогресса, опредѣлить его содержаніе, оцѣнить его значеніе, показать способъ его происхожденія и затѣмъ перейти къ вопросу о положеніи въ какомъ должно стоять, по отношенію къ нему, современное государство.

ГЛАВА II.

Общественное мнѣніе въ классическомъ мірѣ и въ средніе вѣка.

Классическому міру, какъ доказала Блюнчли, не чуждо было понятіе объ общественномъ мнѣніи и его значеніи. Но въ свободныхъ городскихъ республикахъ, съ демократическимъ устройствомъ, районъ его дѣятельности былъ стѣсненъ пространственно; и вообще оно не могло сдѣлаться важнымъ политическимъ факторомъ тамъ, гдѣ народная воля непосредственно переходила въ законъ путемъ голосованія на площади или въ народномъ собраніи.

Общественное мнѣніе въ древней Греціи, по-

мимо своей нормальной дѣятельности въ демократическомъ строе жизни, проявлялось въ быстрой мѣняющихся прихотяхъ демоса, осмѣянныхъ въ аристофановскихъ комедіяхъ, или въ формѣ, получившихъ народное одобреніе, возрѣній мудрецовъ влагавшихся въ уста хоровъ въ трагедіяхъ. Театральные подмостки и ораторская трибуна представляли двѣ арены, съ которыхъ поэты и риторы дѣлали свои собственные мысли и возрѣнія достоинствомъ народа. Индивидуальная сторона возрѣній великихъ мужей отодвигалась при этомъ на задній планъ, они умышленно замаскировали ее, стараясь выдавать свои собственные, нерѣдко даже не вполне понятныя народу, идеи за взгляды самаго демоса. Самостоятельное возрѣніе, въ особенности запечатленное оригинальностью, не всегда было безопасно; оно могло возбудить зависть, а демосъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи оружіе остракизма.

Такой философъ какъ Сократъ, для котораго не возможно было отождествить свое ученіе съ народнымъ возрѣніемъ или провести его незамѣтно въ сознаніе народа, былъ вынужденъ, въ виду непріязненности демоса къ индивидуальной оригинальности, измыслить «духа», подсказывавшаго его идеи.

Возрѣнія демоса такъ подавляюще господствовали надъ индивидуальными, единичными идеями, что послѣднія могли высказываться только

устаами созданныхъ поэтической фантазіей личностей, или подъ покровомъ факціи божественнаго внушенія.

Аристотель въ своихъ отзывахъ о народномъ мнѣніи не избѣгъ вліянія демократической традиціи. «Вполнѣ мыслимо—говоритъ онъ въ III книгѣ своей «Политики»—что многіе, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности не можетъ быть названъ человѣкомъ нравственно совершеннымъ, соединясь, могутъ образовать нечто лучшее чѣмъ немногіе изъ наилучшихъ, не каждый порознь, но всё въ совокупности. Такъ какъ каждый изъ массы можетъ обладать хоть частицею разумныя и добродѣтели, а всё они вмѣстѣ образуютъ какъ бы одного человѣка, многоногаго, многорукаго, со многими чувствами. Это относится также и къ характеру и къ умственнымъ силамъ. Поэтому масса въ совокупности судить о произведеніяхъ музыки и поэзіи наилучшимъ образомъ: одинъ видитъ одну сторону, другой—другую, а всё вмѣстѣ составляютъ всестороннее сужденіе. Можно ли сказанное выше объ отношеніи массъ къ немногимъ нравственно совершеннымъ примѣнить ко всякому демосу—это еще вопросъ, но во всякомъ случаѣ ничто не препятствуетъ признать это справедливымъ въ томъ или другомъ случаѣ. Сообразно этому можно разрѣшить какъ вышеупомянутый вопросъ (должно ли быть много правителей?), такъ и слѣдующіе за нимъ вопросы о томъ: какія права должны быть

предоставлены всѣмъ свободнорожденнымъ и массѣ гражданъ? Съ одной стороны было бы не безопасно открыть для нихъ доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ, но съ другой стороны закрыть имъ этотъ доступъ, по закону или фактически, значило бы создать еще болѣе опасное положеніе. Остается только одинъ исходъ—допустить ихъ къ участию въ обсужденіи государственныхъ дѣлъ».

Такимъ образомъ Аристотель, вообще мало наклонный къ демократіи, признаетъ однако право общественнаго мнѣнія. Онъ ввѣряетъ верховный контроль и наблюденіе за отправленіемъ высшихъ государственныхъ должностей массамъ тѣхъ, кого онъ считаетъ неспособными къ прямому выполненію этихъ должностей. Облеченіе массъ правомъ голоса имѣло особое значеніе какъ оплотъ противъ тираніи и олигархіи. Нигдѣ въ политической сферѣ общественное мнѣніе классической древности не проявлялось такъ остро какъ во всеобщемъ, постоянномъ осужденіи тиранніи и вытекающемъ отсюда «оправданіи тиранноубійствъ», которое мы встрѣчаемъ у древнихъ философовъ и политиковъ.

Все то, что можно сказать о греческой демократіи, примѣнимо въ существенныхъ чертахъ и къ римской республикѣ въ послѣдней стадіи ея развитія. Но особенность римскаго государственнаго права составляло нѣсколько иное положеніе

облеченныхъ властью сановниковъ относительно народной массы, нежели въ демократическомъ строе Гречіи. Какъ *de jure* такъ и *de facto* въ Римской республикѣ авторитетъ государственныхъ сановниковъ былъ сильнѣе, прочность существующихъ установленій устойчивѣе, оппозиція недовольнаго народа противъ неурядицъ ему распорядженій сената или полководцевъ имѣла успѣхъ рѣже, чѣмъ въ Гречіи. Безъ литературы, имѣющей вліяніе на народъ, безъ союза съ драматической поэзіей, общественное мнѣніе въ силу *jus concionis*, лишено было во времена процвѣтанія республики даже самостоятельной инициативы въ народныхъ собраніяхъ.

Но за то у Римлянъ общественное мнѣніе имѣло свои опредѣленные органы. Отрицательная его сторона проявлялась въ «Veto» трибуновъ; положительнымъ образомъ оно обнаруживалось въ «*sensura morum*». Цензура, разсматриваемая какъ судъ надъ нравами, была органомъ общественнаго мнѣнія по отношенію къ политической и гражданской нравственности. Ея задачей являлось охраненіе добрыхъ нравовъ въ тѣхъ сферахъ, которыя не были подчинены строгой опеке государства и ускользали отъ воздѣйствія семейнаго права, выражавшагося въ *judicium domesticum*. Въ области супружеской жизни и домашнихъ отношеній,—политическое значеніе которой римляне понимали гораздо яснѣе грековъ—по преимуществу, *sensura morum* представляла собою

живущую въ здоровыхъ общественныхъ слояхъ привязанность къ старымъ, по преданію переходящимъ нравственнымъ понятіямъ. Къ общественному мнѣнію древности съ полнымъ правомъ можно отнести сказанное Ульціаномъ о нравахъ вообще, что они составляли *tacitus consensus lingua consuetudine inveteratus*.

Насколько мало простора сравнительно съ правами власти представлялось въ Римѣ субъективному сужденію, показываютъ суровыя постановленія о наказаніяхъ за *oscentare*.

Въ своеобразной, специально римской формѣ, *existimatio* мнѣніе римскаго народа служило масштабомъ гражданской чести каждаго гражданина, какъ для опредѣленія значенія его въ цѣломъ обществѣ, такъ и для огражденія отъ оскорбленій со стороны отдѣльныхъ его членовъ. На форумѣ, въ трибахъ, центуріяхъ и въ военныхъ собраніяхъ, всюду,—по крайней мѣрѣ, въ ранній періодъ республики—общественное мнѣніе могло произнести свой приговоръ, покоящійся не на отвлеченныхъ понятіяхъ о чести, какъ наши уголовные кодексы, а на полной оцѣнкѣ данной, конкретной личности.

Въ послѣднее столѣтіе республики общественное мнѣніе,—какъ убѣждаютъ насъ Цицероновскія рѣчи и сочиненія—играло не маловажную роль и въ отправленіи правосудія. Оправдательныя и обвинительныя приговоры уголовныхъ трибуналовъ нерѣдко обуславливались въ такой

же мѣрѣ расположеніемъ окружавшей толпы, какъ и точнымъ смысломъ закона.

Совершенно иной видъ должно было принять общественное мнѣніе съ паденіемъ римской республики. Императорская власть и ея чиновничество съ одной стороны, традиціи стараго сенатскаго права, рядомъ съ толпою черни, представлявшей только тѣнь древняго римскаго народа съ другой, въ ихъ взаимной противоположности, ставили совершенно отличныя отъ прежнихъ условія для проявленія общественнаго мнѣнія въ области государственныхъ интересовъ.

Вмѣстѣ съ послѣдними остатками значенія сената исчезла и возможность какого бы то ни было общественнаго мнѣнія. Всякое открытое выраженіе мнѣній о государственныхъ дѣлахъ или о личности императора могло быть превращено въ преступленіе. Своимъ образомъ дѣйствій по отношенію къ независимымъ сенаторамъ, изданіемъ закона объ «оскорбленіи величества», установленіемъ наказаній за *libellus famosus*—недостойные императоры доказали, что въ глубинѣ своего существа, они были не столько же трусы, на сколько и тираны. Каждая попытка независимаго сужденія являлась въ глазахъ ихъ страшною угрозою для общественной безопасности и для ихъ собственной власти.

Римскіе юристы до послѣдняго времени исходили въ обсужденіи вопросовъ объ оскорбленіи изъ понятія *existimatio*; хотя конечно не мог-

ло быть и рѣчи объ *existimatio* римскаго народа, въ прежнемъ смыслѣ, по отношенію къ гражданамъ, родившимся или постоянно обитавшимъ въ отдаленныхъ провинціяхъ.

Какое значеніе могло принадлежать общественному мнѣнію въ періодъ христіанскихъ среднихъ вѣковъ, мы легко поймемъ, если примемъ во вниманіе положеніе въ ту эпоху факторовъ для его сформированія, средства духовнаго общенія тогдашняго общества, территориальное расчлененіе государства, распаденіе общества на сословія, обособленность мірянъ отъ клира и существовавшія отношенія между церковью и государствомъ. Долгое время церкви принадлежало полное господство не въ одной только духовной области. Твердо установленная церковная догма исключала возможность свободнаго субъективнаго воззрѣнія. Въ свѣтскихъ дѣлахъ или по отношенію къ единичнымъ личностямъ коллективное мнѣніе могло имѣть мѣсто только внутри того или другаго сословія.

Орудіями борьбы междусословныхъ мнѣній служили мечъ и сатира. Только въ исключительныхъ случаяхъ могла быть рѣчь о всеобщемъ выраженіи общественнаго мнѣнія въ средіевѣка. Крестовые походы, имѣвшіе своимъ первоначальнымъ источникомъ общее религіозное возбужденіе, способствовали усиленію пробудившагося общественнаго сознанія. Такой же подъемъ общественнаго мнѣнія замѣчаемъ мы и въ

концѣ среднихъ вѣковъ. Но теперь оно направлено было въ другую сторону. Для каждаго духовно независимаго человѣка ясно было распаденіе церковнаго строя, деморализація духовенства и необходимость церковной реформы.

ГЛАВА III.

Общественное мнѣніе въ новое время.

Три крупныхъ событія создали, начиная съ конца среднихъ вѣковъ, совершенно новыя условія для образованія и проявленія общественнаго мнѣнія. Во первыхъ гуманизмъ эпохи возрожденія, черпавшій свои политическіе идеалы въ произведеніяхъ классической литературы, далъ содержаніе вновь создавшемуся міру идей независимыхъ отъ монастырскаго науки и въ концѣ концовъ привелъ къ освобожденію совѣсти отъ гнета церковнаго авторитета.

Гуманизмъ былъ духовною связью, объединившею образованные классы новаго міра. Вторымъ изъ названныхъ событій было изобрѣтеніе книгопечатанія, въ началѣ имѣвшее значеніе только для ученаго міра, но въ эпоху реформаціи явившееся важнымъ факторомъ политическаго и религіознаго народнаго движенія. Наконецъ, въ третьихъ, слѣдуетъ назвать образованіе большихъ государственныхъ территорій подъ властью абсолютныхъ монарховъ.

Покоясь на такихъ основахъ, общественное мнѣніе получило въ новое время характеръ вполне отличный отъ того, который оно имѣло въ древнихъ демократіяхъ и въ корпоративномъ строѣ средневѣковой жизни. При этихъ двухъ формахъ быта, установленіе общихъ идей и воззрѣній происходило путемъ непосредственнаго обмена мыслей между членами общества. Въ государствахъ же, съ широко раскинушеюся территоріею и съ населеніемъ распавшимся въ силу экономическихъ потребностей на городское и сельское, — такой непосредственный обменъ мнѣній, конечно, былъ немислимъ. Безъ посредства церкви въ средніе вѣка духовное общеніе христіанскихъ народовъ должно было бы исчезнуть. Въ обширныхъ территоріяхъ новыхъ государствъ общественное мнѣніе могло слагаться только благодаря существованію печати. Этому нисколько не противорѣчитъ тотъ фактъ, что несмотря на господство гуманизма, даже въ протестантскихъ странахъ, государственныя ученія, — въ особенности въ XVI и XVII в. — слагались нерѣдко по образцу той рабской теологіи, которая и въ Англіи и на континентѣ свизошла до роли простой прислужницы монархическаго произвола.

Хотя изобрѣтеніе книгопечатанія и дало новыя средства для пропаганды идей, расширило область личнаго вліянія и создало болѣе благоприятныя условія для духовнаго развитія, тѣмъ не менѣе общій ходъ политической жизни того

времени, формы суда и администраціи, ставили не малыя помѣхи образованію общественнаго мнѣнія. Правосудіе и управленіе перешли въ руки ученой бюрократіи. Тайна непонятнаго народу судебнаго процесса, господство чуждаго ему римскаго права, замѣнившаго собою мѣстные юридическіе обычаи, ослабили въ народѣ сочувствіе къ общественнымъ интересамъ. Съ вытѣсненіемъ изъ области суда народнаго элемента и подавленіемъ общинной свободы, открытое заявленіе свободнаго мнѣнія по государственнымъ вопросамъ стало разсматриваться какъ своеволие личности. Мы встрѣчаемся съ этимъ воззрѣніемъ въ «Утопіи» Томаса Мора. Право свободнаго выраженія мнѣнія встрѣчаетъ съ конца XVI в. сильнѣйшее противодѣйствіе со стороны цензуры. Неограниченно властвовавшая, абсолютная монархія требовала или хвалы и одобренія своихъ дѣйствій или молчанія.

При такихъ условіяхъ допущеніе свободы сужденія въ политическихъ и церковныхъ дѣлахъ являлось вопросомъ государственнаго права. Тамъ гдѣ цензура оказывалась недостаточно внимательною противъ «дерзкаго и непочтительнаго порицанія правительственныхъ распоряженій» выступали карательные законы абсолютной власти.

Но эта самая цензура явилась невольною пособницею развитія въ Европѣ общественнаго мнѣнія, быстро окрѣпшаго послѣ удачнаго исхода второй англійской революціи.

Къ концу XVIII в. въ культурныхъ государствахъ европейскаго континента сложилось уже, единообразное во многихъ пунктахъ, общественное мнѣніе, обладавшее необыкновенною силою. Оно направлено было первоначально не противъ самого принципа неограниченной монархii—въра въ благодѣтельность просвѣщеннаго и благожелательнаго деспотизма была еще очень распространена тогда,—но, главнымъ образомъ, противъ бездушнoй рутинy и педантичнаго формализма бюрократii, облекавшей свои дѣйствія глубокою тайною, противъ безобразія и жестокости создавагoся въ безгласности законодательства и противъ извращения правосудія.

Цензура и «канцелярская тайна» придали XVIII в. значеніе періода общественнаго мнѣнія по преимуществу. Преслѣдованія либеральныхъ писателей со стороны церкви и государства, цензурныя стѣсненія печати,—сдѣлавшія съ начала XVII столѣтія Нидерланды прибѣжищемъ гонимой свободы мнѣнія,—служили толчкомъ и побудительнымъ мотивомъ для развитія критики. Духъ противодѣйствія устарѣлымъ учреждениямъ постепенно росъ и укрѣплялся. Привилегіи дворянства и духовенства въ гораздо большей степени нежели церковная догма составляли предметъ страстныхъ нападеній со стороны борниковъ новыхъ воззрѣній, сплотившихся въ половинѣ вѣка во всѣхъ государствахъ Европы въ одинъ общій союзъ подѣ знаменемъ гуманности,

цивилизациі и общаго блага. Даже таинственныя формы массонства, всегда выказывавшаго наклонность къ сохраненію извѣстнаго отпечатка аристократизма и чуждавшагoся распространенію въ массахъ, служили орудіемъ для проявленія общественнаго мнѣнія. По отношенію къ этой эпохѣ безусловно справедливо воззрѣніе, дѣлающее центромъ общественнаго мнѣнія средніе классы: мелкое дворянство, міръ ученыхъ, ремесленниковъ, въ извѣстной мѣрѣ даже офицерство и часть духовенства.

Передъ взрывомъ революціи во Франціи всюду царствовало убѣжденіе, что долженъ неизбѣжно наступить новый порядокъ вещей. Основной тонъ общественному мнѣнію давался французскою литературою. Творцами и провозвѣстниками этого всемірнаго общественнаго мнѣнія являются англійскіе деисты, Монтескье, Дидро, французскіе энциклопедисты, Руссо, Мирабо; но первое мѣсто среди нихъ, по своему выдающемуся вліянію, безспорно занимаетъ Вольтеръ, полнѣе и яснѣе всѣхъ выразившій господствовавшія воззрѣнія эпохи просвѣщенія.

Чтобы составить себѣ понятіе о необыкновенномъ, безпримѣрномъ могуществѣ, достигнутомъ во второй половинѣ XVIII столѣтія общественнымъ мнѣніемъ — не признавать котораго не смѣли даже его противники—достаточно вспомнить его успѣшную борьбу противъ существовавшихъ тогда варварельныхъ законовъ. Просвѣ-

щественные монархи какъ Фридрихъ Великій, Екатерина II, Иосифъ II и Леопольдъ Тосканскій прислушивались къ его голосу; подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія судьи смягчали жестокость стараго законодательства. Наказаніе изувѣченіемъ исчезло, пытки были ограничены и постепенно уничтожены. Когда Вольтеръ высилъ свой голосъ въ обличеніе юридическаго убійства, совершеннаго надъ Жаномъ Каласомъ, онъ встрѣтилъ въ обществѣ такое сочувствіе, котораго никогда не добился бы въ настоящее время по поводу подобнаго единичнаго случая. Сочиненія, служившія отголоскомъ недовольства массы европейской публики противъ продолжавшихся злоупотребленій, распространялись въ громадномъ числѣ экземпляровъ. Беккарія и Говардъ овладѣли вниманіемъ не только своихъ соотечественниковъ, но и всего образованнаго міра. Знаменитѣйшіе ученые задавались вопросами, возбуждавшими всеобщій интересъ. Любопытно сравнить труды ученыхъ обществъ и академій, напечатанные сто лѣтъ тому назадъ, съ современными работами. Изъ такого сравненія оказывается, что вслѣдствіи усилившагося раздѣленія труда, большей строгости методовъ и развитія критики, наука много подвинулась впередъ въ техническомъ отношеніи, но за то она настолько же и проиграла относительно живой связи съ общественными интересами и вліянія своего на общественное мнѣніе.

Въ развитіи общественнаго мнѣнія до французской революціи всего болѣе обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что вліятельной ежедневной прессы въ то время не существовало. Газетное дѣло находилось повсюду въ младенческомъ состояніи. Вождями и руководителями общественнаго мнѣнія являлись великія имена, которыя, по выраженію Малерба, среди массы публики были тоже, что аѳинскіе и греческіе ораторы среди народныхъ собраній. Неккеръ называетъ общественное мнѣніе «*puissance invisible, qui sans trésors, sans gardes et sans armée, donnait des lois à la ville, et jusque dans le palais des rois.*»

Совершенно иныя формы развитія принимаетъ общественное мнѣніе съ тѣхъ поръ, какъ принципы революціи получили господство не только во Франціи, но съ половины текущаго столѣтія, и въ большинствѣ континентальныхъ государствъ. Прежняя противоположность между тайною правительственныхъ дѣлъ съ одной стороны и гласною общественною критикою съ другой не существовала болѣе. Открытое выраженіе мнѣній по государственнымъ вопросамъ—сдѣсаніе котораго вело къ еще большому возбужденію интереса къ нимъ въ обществѣ—сдѣлалось правомѣрнымъ фактомъ. Общественное мнѣніе утратило часть своей интенсивности среди государственной жизни, сдѣлавшейся гласною.

Ежедневная пресса съ теченіемъ времени приобрѣла развитіе, которое еще не достигло своего предѣла. Не только въ публицистикѣ, но и въ научной литературѣ, періодичная форма получила важное значеніе. Легкое чтеніе завело себя обширный кругъ читателей и отвлекло часть духовныхъ силъ отъ другихъ областей дѣятельности.

Въ результатъ всего этого общественное вниманіе въ наше время занято ежедневно самыми разнородными предметами, лишенными всякой внутренней связи. Впечатлѣнія дня мѣняются непрерывно. Событія, сто лѣтъ тому цѣлыми мѣсяцами занимавшія умы, въ нѣсколько дней изглаживаются изъ нашей памяти быстрою смѣною извѣстій со всѣхъ концовъ свѣта. Изслѣдовать перемѣну, вызванную газетами новѣйшаго времени въ умахъ читающей публики, было бы не совсѣмъ неблагоприятною задачею. Кажется, что теперь сильно притупились наша чуткость и живость нашихъ впечатлѣній, ослабла наша наблюдательность и самостоятельность выводовъ изъ тѣхъ сообщеній о происшествіяхъ, несчастіяхъ и преступленіяхъ, которыя мы ежедневно получаемъ со всѣхъ концовъ свѣта; кажется, что общественныя симпатіи уменьшаются, а равнодушіе къ общественному благу растетъ. Этому содѣйствуютъ и преобладаніе хозяйственныхъ интересовъ, и невообразимая быстрота, съ которою телеграфъ разноситъ по всему свѣту без-

связныя извѣстія и усиленное передвиженіе населенія, благодаря громадному развитію путей сообщенія и ослабленіе мѣстныхъ интересовъ и, наконецъ, распространеніе политическихъ правъ на массы населенія. Сто лѣтъ назадъ часто говорили объ «общественномъ чувствѣ», теперь же говорятъ только объ «общественномъ мнѣніи.»

Общественное мнѣніе XIX вѣка, въ особенности второй его половины, существенно разнится отъ общественнаго мнѣнія предъидущаго столѣтія. Отличіе это проявляется не только по отношенію къ предмету и содержанію общественнаго мнѣнія—что было бы вполне естественно и необходимо—но еще въ болѣе сильной степени по отношенію къ самому процессу его сложенія, къ условіямъ его роста, силѣ вліянія и формѣ проявленія, наконецъ, по отношенію къ кругу его интересовъ и его общественной основѣ. Намъ недостаетъ той идеальной черты, которая была свойственна нашимъ предкамъ. Хотя и въ настоящее время общественное мнѣніе не остается безучастнымъ къ международнымъ отношеніямъ, но его ближайшія цѣли лежатъ въ области національно-государственной. Борьба великихъ политическихъ партій выдвинула на первый планъ противорѣчія ихъ стремленій, заставляющія собою общія идеи, коренящіяся въ народномъ духѣ.

Сравнивая между собою различныя страны, мы видимъ, что общественное мнѣніе, рядомъ

съ присущими ему общими признаками, можетъ имѣть характеристичныя особенности подъ вліяніемъ національности, историческихъ обстоятельствъ и различій въ формахъ проявленія.

Общественное мнѣніе Англіи и по существу, и по формѣ представляетъ собою нѣчто отличное отъ общественнаго мнѣнія въ Соединенныхъ Штатахъ Америки; французское, испанское, итальянское общественное мнѣніе—отлично отъ нѣмецкаго. Въ цѣлой Европѣ, напримѣръ, жестокое обращеніе съ животными считается безнравственнымъ, въ Испаніи же бой быковъ составляетъ развлеченіе, пользующееся всеобщимъ одобреніемъ.

Что касается различій въ образѣ правленія, то, какъ показываетъ намъ исторія, чистая демократія и деспотическая монархія всего менѣе благоприятствуютъ развитію общественнаго мнѣнія. Правда въ первой изъ названныхъ формъ государственной жизни общественное мнѣніе не лишено права предъявлять свои требованія; но оно не можетъ достигнуть значенія самостоятельнаго политическаго фактора тамъ, гдѣ законодательная машина, управляемая численностью вотирующихъ голосовъ, обеспечиваетъ немедленное исполненіе этихъ требованій и гдѣ всегда возможно устраненіе выбираемыхъ на срокъ правителей. Въ абсолютной монархіи, гдѣ свободное обсужденіе общественныхъ дѣлъ можетъ быть всегда приостановлено «по государ-

ственнымъ соображеніямъ», общественное мнѣніе конечно не можетъ обладать формально признаннымъ правомъ критики по отношенію къ дѣйствіямъ правительства; тѣмъ не менѣе однако оно даетъ иногда чувствовать себя какъ сила даже въ такихъ государствахъ какъ Россія или Турція; въ особенности въ случаяхъ чрезвычайныхъ, напр., въ вопросахъ войны и мира, голосъ его можетъ склонять чашу вѣсовъ въ ту или другую сторону. Только государство особенно могущественное можетъ отважиться какъ Пруссія въ 1866 г., при существованіи всеобщей воинской повинности, вести войну наперекоръ волѣ населенія, въ надеждѣ, что обаяніе побѣдъ и достигнутые войною результаты заставятъ молчать недовольныхъ или даже измѣнить настроеніе общественнаго мнѣнія.

Арену для правильной политической дѣятельности общественнаго мнѣнія даетъ представительная, парламентская система настоящаго времени. Система эта имѣетъ своими крайними полюсами съ одной стороны правительство относительно самостоятельное и независимое въ веденіи дѣлъ, но отвѣтственное, а съ другой—общественное мнѣніе, дѣйствующее столь же правильно и притомъ не отвѣтственное. Посредствующимъ звеномъ между твердо и непоколебимо стоящею монархическою властью и вѣчно измѣнчивыми теченіями общественнаго мнѣнія служитъ парламентъ, рѣшающее боль-

шинство котораго образуется выборами, происходящими подъ вліаніемъ общественнаго мнѣнія. Такимъ образомъ дѣятельность общественнаго мнѣнія поставлена въ правильныя рамки. Оно посылаетъ своихъ представителей въ палату общинъ и образуетъ тамъ парламентское большинство, доставляетъ коронованному зодчему строительный матеріалъ для составленія министерства, направляетъ законодательство и, наконецъ, когда выборные депутаты перестаютъ быть выразителями его стремленій, общественное мнѣніе, по распущеніи палатъ, является высшею апелляціонною инстанціею и новыми выборами превращаетъ прежнее большинство въ меньшинство.

Уже сто лѣтъ тому назадъ Делолемъ установилъ по отношенію къ общественному мнѣнію въ Англіи воззрѣніе, обобщенное впоследствии Блюнчли, воззрѣніе по смыслу котораго общественное мнѣніе есть проявленіе народнаго могущества въ противоположность правительственной власти. Англія до сихъ поръ остается классическою почвою для общественнаго мнѣнія; здѣсь же въ первые оно получило, вмѣстѣ со свободною печатью, законное признаніе. Конечно, нѣтъ ни одного періода въ государственной жизни, когда общественное мнѣніе не проявлялось бы такъ или иначе, хотя бы и въ ограниченныхъ рамкахъ,—но не слѣдуетъ забывать, что въ абсолютныхъ монархіяхъ за общественнымъ мнѣні-

емъ не можетъ быть признаваемо право публичной критики правительственныхъ дѣйствій. Каждое дѣйствіе должностнаго лица считается здѣсь вытекающимъ изъ власти монарха и потому—внѣ случаевъ прямаго нарушенія гражданскихъ правъ, допускающихся обжалованію въ установленномъ порядкѣ со стороны частныхъ лицъ—всякое публичное выраженіе неудовольствія правительственными распоряженіями можетъ рассматриваться какъ оскорбленіе величества. То, что теперь представляется намъ понятнымъ само собою и не требующимъ доказательствъ, сто лѣтъ назадъ всюду кромѣ Англіи считалось противозаконнымъ и опаснымъ для государства. Даже и въ Англіи Томасъ Моръ видѣлъ преступленіе, достойное смертной казни, въ открытой критикѣ правительственныхъ дѣйствій со стороны подданныхъ государства.

Государственная практика старыхъ абсолютныхъ монархій въ видѣ милости соблаговолила подданнымъ право приносить въ кабинетъ монарха жалобы по дѣламъ до нихъ лично касающимся или привлекать должностныхъ лицъ къ отвѣтственности предъ трибуналомъ, дѣйствующимъ въ тайнѣ; но всякое открытое заявленіе неудовольствія по вопросамъ общественнымъ, всякій протестъ противъ направленія политики, неотвѣчавшаго общественнымъ интересамъ, являлся несомнѣннымъ со старымъ принципомъ государственнаго авторитета.

Право общественнаго мнѣнія на участіе въ политическихъ дѣлахъ, не подвергаемое уже сомнѣнію въ настоящее время, есть продуктъ современнаго политическаго строя. Достоинно замѣчанія, что въ Англіи право это развилось и окрѣпло прежде чѣмъ создалась свободная печать и служило источникомъ послѣдней. Поэтому здѣсь свобода слова имѣла своею подкладкою общественные и государственные интересы, тогда какъ на континентѣ, со временъ французской революціи, она разсматривается какъ проявленіе индивидуальнаго права личности на свободу въ политической жизни.

Обстоятельство это имѣетъ самое существенное значеніе. Тотъ фактъ, что въ Англіи общественное мнѣніе, еще ранѣе нежели пресса достигла своего техническаго совершенства, обладало въ лицѣ парламента органомъ для практической политической дѣятельности—органомъ, отсутствовавшимъ на континентѣ—и могло развиваться путемъ публичныхъ дебатовъ, въ значительной мѣрѣ можетъ объяснить отличіе англійскихъ политическихъ нравовъ отъ континентальныхъ. И въ силу своего историческаго происхожденія и по традиционнымъ воззрѣніямъ народа печать въ Англіи есть органъ дѣлаго; она составляетъ какъ бы уста самого народа. На оборотъ по взглядамъ индивидуально-атомистическихъ ученій естественнаго права, господствующихъ на континентѣ, печать является сред-

ствомъ для отдѣльной личности поражать, создавать, выяснять общественное мнѣніе и бороться съ нимъ. Тенденціи континентальной прессы направлены были постоянно на расширеніе индивидуальной свободы, тогда какъ въ Англіи печать стояла на сторожѣ противъ посягательствъ со стороны отдѣльныхъ государственныхъ дѣятелей на права и власть всей совокупности народа. Права отдѣльной личности являлись въ ея глазахъ однимъ изъ элементовъ общаго, вѣками освященнаго, правоваго порядка.

Такое отличіе англійской прессы отъ континентальной весьма важно. Оно опредѣлило собою историческій ходъ развитія судопроизводства по дѣламъ печати и служило причиною того, что въ англійскихъ судахъ еще сто лѣтъ тому назадъ выработался совершенно отличный отъ континентальнаго взглядъ на право свободнаго выраженія мнѣній.

На основаніи судебной практики, установившейся въ прошломъ вѣкѣ, въ дѣлахъ о насквиляхъ (libel), истецъ обязанъ былъ доказать ложность взводимыхъ на него фактовъ, представляющей оскорбительный характеръ и злонамѣренность оскорбленія; отвѣтчикъ съ своей стороны не имѣлъ права доказывать справедливость позорящихъ обстоятельствъ, но присяжные сохраняли за собою право, во всѣхъ случаяхъ гдѣ не затрогивалась честь отдѣльныхъ личностей, произносить оправдательный при-

говоръ, кольскоро дѣйствительность оспариваемыхъ фактовъ по ихъ убѣжденію не подлежитъ сомнѣнію. Такая своеобразная процедура являлась историческимъ компромиссомъ между временами Тюдоровъ, когда критика правительственныхъ дѣйствій допускалась только въ стѣнахъ парламента, и совершенно измѣнившимся положеніемъ вещей въ ту эпоху, когда Юніусъ писалъ свои письма.

Деломъ, самъ уроженецъ свободнаго женеваго кантона не могъ не отнестись съ изумленіемъ къ такому положенію дѣлъ, происхожденіе котораго не было ему вполне ясно.

«Оправдательный приговоръ присяжныхъ—говоритъ онъ—является въ высшей степени вѣроятнымъ каждый разъ, когда затрогиваются дѣйствія правительства. Не отказываясь отъ провѣрки фактической стороны дѣла, присяжные руководствуются обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ господствующимъ въ Англіи воззрѣніемъ,—на которое съ особенною силою напирала защита въ послѣднемъ процессѣ (по поводу «Писемъ Юніуса»),—что если злословіе въ отношеніи частныхъ лицъ и не можетъ быть терпимо, то по крайней мѣрѣ публичныя правительственныя дѣйствія должны подлежать публичному же обсужденію и правительство должно считать такое обсужденіе положительно для себя услугою».

ГЛАВА IV.

Понятіе общественнаго мнѣнія, выясняемое его противоположностями.

Исторія новѣйшихъ культурныхъ государствъ доказываетъ, что общественное мнѣніе представляетъ явленіе народнаго духа, способное къ разнообразнымъ измѣненіямъ. Оно не похоже на рѣшающую и повелѣвающую власть правящихъ; точно также оно не можетъ быть названо волею постоянно осуществляющеюся въ фактахъ; общественное мнѣніе представляетъ инстанцію совѣщательную, имѣющую дѣло или съ совершившимся уже фактомъ или же съ намѣреніями, ожидающими еще своего осуществления.

Общественное мнѣніе приобретаетъ значеніе и авторитетъ во всѣхъ случаяхъ, когда представители государственной власти выказываютъ склонность искать совѣта въ государственныхъ дѣлахъ или когда они вынуждены добиваться одобренія извнѣ для своихъ дѣйствій. Представляя изъ себя совѣщательный и обсуждающій факторъ въ народной жизни, общественное мнѣніе получаетъ практическое значеніе чрезъ то влияніе, которое оказываетъ оно на побудительные мотивы, опредѣляющіе поступки частныхъ лицъ, государственныхъ дѣятелей или представителей верховной власти. Когда общественное мнѣніе

имбеть дѣло съ фактами уже осуществившимися, оно одобряетъ или порицаетъ, смотря по достигнутымъ результатамъ, выразившуюся въ этихъ фактахъ государственную волю. Если она застигаетъ эту волю ранѣе, нежели она успѣла перейти въ фактъ, она или ободряетъ или сдерживаетъ и предостерегаетъ ее. Даже и въ первомъ случаѣ—при оцѣнкѣ свершившихся фактовъ—общественное мнѣніе не лишено практическаго характера, такъ какъ одобреніе того или другаго дѣйствія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и побужденіе для повторенія его при одинаковыхъ обстоятельствахъ и на оборотъ порицаніе извѣстныхъ мѣропріятій должно разсматриваться отвѣтственными и неотвѣтственными носителями власти, какъ предостереженіе на будущее время или какъ требованіе новой, болѣе зрѣлой провѣрки данныхъ, служившихъ основаніемъ для упомянутыхъ мѣропріятій.

Даже и невысказавшееся еще общественное мнѣніе можетъ быть принимаемо въ соображеніе. Такъ при подготовленіи какихъ нибудь государственныхъ мѣръ, облакаемыхъ тайной, государственные люди по прежде бывшимъ примѣрамъ и аналогіямъ стараются угадать то направленіе, въ которое станетъ къ этимъ мѣрамъ общественное мнѣніе.

При такомъ практическомъ характерѣ, общественное мнѣніе необходимо связано самыми живыми нитями съ современнымъ ему моментомъ общественной жизни. Только вчерашнее

прошлое и завтрашнее будущее можетъ занимать его. Факты отдаленныхъ вѣковъ представляютъ для него интересъ только въ томъ случаѣ, если они еще оказываютъ воздѣйствіе на современную жизнь или могутъ быть такъ или иначе связаны съ нею. Конечно побужденія народной признательности или законной національной гордости могутъ вызывать изъ вѣка въ вѣкъ повторяющееся общественное празднованіе дня рожденія великаго человѣка или сооруженіе памятниковъ. Еще менѣе чѣмъ на давно прошедшее мысль массъ направляется на отдаленное будущее; впрочемъ и здѣсь возможны точки соприкосновенія съ настоящимъ: народныя суевѣрія усматриваютъ иногда въ обстоятельствахъ сопровождающихъ тѣ или другія государственный начинанія зловѣщія предсказанія для будущаго, наполняющія умы страхомъ и смятеніемъ. Исторія Ливія представляетъ намъ не мало примѣровъ такого рода.

Въ самомъ понятіи общественнаго или «публичнаго» мнѣнія заключается, что оно должно быть такъ или иначе выражено, хотя и не непременно въ словѣ или письмѣ. Разъ высказанное общественное мнѣніе сохраняетъ свое авторитетное значеніе до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ измѣненія въ обстоятельствахъ, его вызвавшихъ. Въ общественномъ организмѣ полномъ жизненности воздѣйствіе общественнаго мнѣнія можетъ происходить столь же незамѣтно и не-

посредственно, какъ непосредственно происходитъ образованіе обычнаго права, путемъ постояннаго примѣненія извѣстныхъ привычныхъ взглядовъ и мнѣній, мало по малу приобретающихъ значеніе обязательнаго авторитета. Рядомъ съ обычнымъ правомъ является и освященное вѣковыми преданіями обычное мнѣніе. Быстрая измѣнчивость и широкое распространеніе современнаго законодательства не оставляютъ ни времени, ни мѣста для органическаго развитія обычнаго права. Тоже явленіе замѣчается и въ сферѣ обычнаго мнѣнія, послѣ того какъ его историческія основы разрушены французскою революціею. Въ массахъ сохранились только традиціонныя предрасудки, въ видѣ народныхъ суевѣрій или слѣдовъ той сословной розни и взаимнаго недоувѣрія между общественными классами, которыя остались въ наслѣдство отъ среднихъ вѣковъ. Въ государственныхъ общинахъ древняго міра, въ силу ихъ замкнутости и духовнаго единства, *existimatio* или *vox populi* приобретали значеніе общественной силы, не требуя для своего установленія какихъ либо особенныхъ знаковъ. Не было нужды ни въ документальныхъ актахъ, ни въ записяхъ, и еще менѣе въ томъ сложномъ арсеналѣ прямыхъ и косвенныхъ доказательствъ, съ которыми приходится имѣть дѣло нынѣ при распознаваніи общественнаго мнѣнія.

Только въ наше время, когда социальное положеніе каждаго, болѣе образованнаго индивиду-

дуума, настолько-же обуславливается извѣстнымъ запасомъ самостоятельныхъ, оригинальныхъ мнѣній, насколько и обладаніемъ опредѣленными имущественными средствами, обеспечивающими его независимость, — установленіе правильныхъ отношеній между общественными и индивидуальными воззрѣніями приобретаетъ существенную важность. Теперь въ каждомъ частномъ случаѣ приходится рѣшать вопросъ: заключаетъ ли въ себѣ извѣстное публичное выраженіе мнѣній признаки общественнаго мнѣнія, и имѣемъ ли мы дѣло съ дѣйствительнымъ или извращеннымъ общественнымъ мнѣніемъ?

Первая трудность, на которую приходится наталкиваться при этомъ, состоитъ въ отграниченіи общественнаго мнѣнія отъ публично выраженныхъ мнѣній отдѣльныхъ лицъ; въпасть при этомъ въ заблужденіе и принять частное мнѣніе, не встрѣчающее противорѣчія и опроверженія, за общественное весьма легко.

Но считать мнѣніе, даже большаго числа отдѣльныхъ лицъ за народное, столь же ошибочно, какъ ошибочно было бы принимать проявленіе воли отдѣльныхъ людей, ничѣмъ не связанныхъ между собою, за осуществленіе воли государственной. Общественное мнѣніе есть нечто отличное отъ простой суммы отдѣльныхъ мнѣній. Могутъ встрѣчаться случаи, когда мнѣніе, безспорно имѣющее характеръ обществен-

наго, безмолвствуетъ, въ то время какъ противоположныя ему индивидуальныя воззрѣнія находятъ себѣ арену для гласнаго выраженія. Условіе большей или меньшей публичности, выраженіе въ печатной, литературной формѣ не служитъ критеріемъ для опредѣленія общественаго мнѣнія.

Для безошибочнаго признанія даннаго мнѣнія за общественное и для отличія его отъ публично выраженныхъ личныхъ мнѣній гораздо важнѣе два признака: во-первыхъ—свойство субъекта, выражающаго мнѣніе и затѣмъ присутствіе той авторитетности, въ которой коренится сила общественаго мнѣнія.

Едва ли можно сомнѣваться, что въ старой терминологіи политическихъ и государственныхъ наукъ Англій выраженіе «public opinion»—перешедшее и въ нѣмецкій и французскій языки—употреблялось какъ равнозначущее «common opinion» или «opinion of the public», т. е. мнѣнію публики; той публики, которая не играла дѣятельной роли въ государственной драмѣ, но, являясь посторонней зрительницей, завлѣкала свое присутствіе рукоплесканіями или знаками неодобренія.

Употреблявшееся въ публицистикѣ прошлаго столѣтія выраженіе: «sentiment of the people» «народное чувство» служило также и для обозначенія общественаго мнѣнія. Почему не вошелъ въ употребленіе съ самаго начала, болѣе

точный терминъ: «народное мнѣніе» — сказать трудно; можно однако догадываться, что это произошло вслѣдствіе привычки смотрѣть на парламентъ,—за отсутствіемъ періодической печати,—какъ на единственное мѣсто, въ которомъ выражалось народное мнѣніе. Такъ какъ права опубликованія парламентскихъ преній не существовало въ прежнее время (еще въ XVIII в. право это было предметомъ знаменитой борьбы между прессою и парламентомъ), то мало по малу со словомъ «общественное» (или буквально и «публичное») мнѣніе, начало соединяться представленіе о выражаемыхъ прессою воззрѣніяхъ избирателей и массы публики, противоположавшихся негласнымъ преніямъ въ парламентъ. Такое представленіе объ общественномъ мнѣніи усилилось еще болѣе, когда около половины прошлаго столѣтія стало явнымъ, что многія изъ важнѣйшихъ рѣшеній парламента были результатомъ подкупа, широко практикуемаго Вальполемъ. Субъектомъ общественаго мнѣнія по воззрѣніямъ того времени, была публика; та «публика», которая и теперь еще является судьей въ области литературы, театра и искусства.

Такимъ образомъ англійская публицистика прежняго времени видѣла въ общественномъ мнѣніи противовѣсъ тайно подкупленному парламентскому большинству. Официальная тайна и гласное выраженіе общественаго мнѣнія, временно покрайней мѣрѣ, играли въ Англій ту же

роль, какъ и на континентѣ, гдѣ, какъ извѣстно, тайна кабинетной политики и безгласность судебнаго процесса составляли главный предметъ нападеній со стороны общественнаго мнѣнія.

Какъ бы то нибыло историческій анализъ показываетъ намъ, что общественное мнѣніе никакъ не можетъ быть отождествляемо съ парламентскимъ большинствомъ.

Этотъ выводъ изъ парламентской исторіи Англии справедливъ и для нашего времени. Общественное мнѣніе, рассматриваемое по отношенію къ его субъекту, не совпадаетъ необходимо съ обнаруживаемымъ голосованіемъ парламентскимъ большинствомъ. На этомъ и основана прерогатива главы правительства распускать выборную палату. Отъ времени до времени можетъ случиться, что партіи, имѣвшія за собою въ парламентѣ большинство, послѣ новыхъ выборовъ — очередныхъ или вслѣдствіе распуценія палаты, — очутятся въ меньшинствѣ, такъ какъ онѣ не хотѣли или не могли согласоваться съ поворотомъ въ общественномъ мнѣніи. Отсюда видно также, что не всегда можно съ достовѣрностью опредѣлить состояніе общественнаго мнѣнія простымъ арифметическимъ сопоставленіемъ отчетовъ о парламентскихъ голосованіяхъ, появляющихся въ газетахъ разныхъ партій.

Для того, чтобы общественное мнѣніе могло играть роль высшаго трибунала политической критики, какъ для правительства, такъ и для

политическихъ партій, оно должно покоиться на иномъ основаніи, чѣмъ простое парламентское большинство. Нельзя дѣлать судьей — и при томъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ — того, чьи поступки ждутъ еще общественной критики; по этому чѣмъ беззавѣтнѣе отдается печать интересамъ партіи, тѣмъ менѣе она имѣетъ права считать себя органомъ общественнаго мнѣнія. Общественное мнѣніе должно сохранять за собою право произнести приговоръ и надъ самими партіями. Догматика политическихъ партій однородна съ догматикой церковной и теологической; какъ въ той, такъ и въ другой всякое отступленіе отъ господствующаго ученія со стороны своего сочлена клеймится какъ отступничество и малодушіе, и наоборотъ перемѣна во взглядахъ противника считается возвращеніемъ на путь истины.

Чтобы быть дѣйствительно нравственною силою общественное мнѣніе отнюдь не должно поступаться своимъ правомъ свободнаго сужденія и критики даже по отношенію къ господствующимъ партіямъ, нерѣдко прибѣгающимъ къ его содѣйствію.

Общественное мнѣніе не можетъ быть рассматриваемо и какъ сумма мнѣній всѣхъ существующихъ въ государствѣ партій. Внутреннее единство должно быть его неизменнымъ признакомъ. Только благодаря этому единству общественное мнѣніе и можетъ обладать тою си-

лою, которая замѣчается въ его проявленіяхъ и которая не позволяетъ намъ разсматривать его какъ простую сумму хотя бы и очень большаго числа отдѣльныхъ, самостоятельныхъ и несвязанныхъ между собою мнѣній. *Communis opinio doctorum*, признаваемое юристами за господствующее правовое воззрѣніе и играющее роль въ судебной практикѣ, точно также не можетъ быть разсматриваемо какъ простое мнѣніе большинства. Оно представляетъ собою нѣкоторую аналогію съ политическимъ общественнымъ мнѣніемъ; именно въ тѣхъ случаяхъ когда *communis opinio jure consultorum* является господствующимъ въ практикѣ, хотя тамъ и сямъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ противъ него и могутъ возникать возраженія.

Полагать, что въ понятіи общественнаго мнѣнія заключается требованіе полного объединенія всѣхъ отдѣльныхъ мнѣній значило бы идти слишкомъ далеко. Рядомъ съ общественнымъ мнѣніемъ могутъ существовать и отдѣльныя, частныя воззрѣнія по тому или другому предмету. Въ большинствѣ случаевъ только рѣзкія противорѣчія общественному мнѣнію и могутъ вызвать собою его проявленіе и разбудить его отъ обычной дремоты.

Точно также несправедливо воззрѣніе разсматривающее общественное мнѣніе, какъ среднее отдѣльныхъ мнѣній.

Бидерманъ, въ словарѣ Ротека и Велькера

опредѣляетъ общественное мнѣніе, «какъ сумму или скорѣе среднюю сложность отдѣльныхъ мнѣній по разнымъ вопросамъ общаго характера, обращающихся и господствующихъ въ известной части общества»; по этой теоріи можетъ существовать общественное мнѣніе отдѣльной общины, округа, государства, части свѣта, и наконецъ, общественное мнѣніе всего цивилизованнаго міра.

Рѣшительною и единственною противоположностью общественному мнѣнію являются только единичныя мнѣнія отдѣльныхъ лицъ. Что касается видовъ и степеней общественнаго мнѣнія, то ихъ едва ли можно и пересчитать. Но подобная теорія, по которой каждое воззрѣніе, имѣющее подъ собою какую нибудь мѣстную или общественную подкладку, уже считается «общественнымъ мнѣніемъ» лишена всякаго значенія въ политическомъ отношеніи.

Уголовному законодательству общественное мнѣніе даетъ нормы для охраненія чести отдѣльныхъ лицъ, на основаніи понятій о чести господствующихъ въ государствѣ. Судья не можетъ принимать во вниманіе, что въ томъ или другомъ округѣ существуютъ свои особенныя воззрѣнія на честь; хотя подобныя уклоненія отъ общихъ воззрѣній и весьма возможны, такъ наприм. на островѣ Корсикѣ общественное мнѣніе поощряетъ кровавую месть, между тѣмъ, какъ

по французскимъ законамъ она считается тяжкимъ преступленіемъ.

Еще менѣе пригодною теорія «средняго мнѣнія» оказывается въ вопросахъ политики и права. Въ самомъ дѣлѣ, если мы въ ряду существующихъ мнѣній выберемъ такое, на долю котораго при счисленіи голосовъ всѣхъ лицъ, придерживающихся какого бы то нибыло мнѣнія, пришлось бы не наибольшее и не наименьшее число приверженцевъ, а среднее арифметическое между ними, то въ чемъ будетъ заключаться преимущественное значеніе этого мнѣнія предъ прочими? Затѣмъ, самое подобное исчисленіе едва ли осуществимо. Для этого возможенъ развѣ одинъ способъ; сосчитать число подписчиковъ на газеты разныхъ направленій, взять среднее между ними и опредѣлить такимъ образомъ, какой органъ наиболѣе подходит къ «среднему мнѣнію». Но конечно такой выводъ будетъ имѣть очень мало значенія. Быть можетъ Бидерманъ подъ своимъ «среднимъ мнѣніемъ» подразумѣвалъ мнѣніе тѣхъ классовъ общества, которые и въ интеллектуальномъ и въ экономическомъ отношеніи составляютъ средину между высшими и низшими общественными классами, въ такомъ случаѣ онъ сходится къ Блюнчли, считающимъ среднее сословіе главнымъ представителемъ общественного мнѣнія.

Прийти къ правильному понятію объ общественномъ мнѣніи, можно только взявъ за

точку исхода тотъ, одинаково всѣми признаваемый, хотя и не одинаково оцѣниваемый, фактъ, что общественное мнѣніе всегда сказывается въ государственной и народной жизни какъ сила и по отношеніи къ частнымъ лицамъ и по отношеніи къ правительству. А это возможно только въ такомъ случаѣ; если мы признаемъ, что общественное мнѣніе есть господствующее мнѣніе самага народа, хотя и не имѣющее прямой обязательной силы въ положительномъ законодательствѣ и правительственныхъ распоряженіяхъ. Дѣло идетъ здѣсь лишь о силѣ мнѣнія; акты воли, въ родѣ единогласныхъ плебисцитовъ въ чистой демократіи, не подходятъ подъ понятіе общественнаго мнѣнія.

Одно лишь присутствіе въ сознаніи правителей и отдѣльныхъ лицъ правильно или ложно составленнаго убѣжденія о томъ, что по извѣстному предмету сложилось господствующее мнѣніе въ народѣ, является достаточнымъ объясненіемъ того уваженія или страха, которое воздерживаетъ ихъ отъ дѣйствій противныхъ общественному мнѣнію. Власть общественнаго мнѣнія есть власть чисто психическая, чуждая внѣшней принудительной силы. Ея происхожденіе и ея вліяніе должны быть изучаемы на почвѣ исторіи и народной психологіи.

Въ наиболѣе остромъ своемъ проявленіи страхъ предъ общественнымъ мнѣніемъ, испытываетъ

мый правителями, можетъ быть равносильнѣ опасенію предъ приближающею революціею, если только возможно предположить, что власть общественнаго мнѣнія въ состояніи побудить отдѣльныхъ гражданъ, или большинство ихъ къ возстанію противъ закона. Частныхъ лицъ отъ неуваженія къ общественному мнѣнію воздерживаетъ частью опасеніе потерять уваженіе своихъ согражданъ, частью же и сознаніе, что попытки единичнаго противодѣйствія общественному мнѣнію могутъ только обнаружить ихъ безсиліе.

Политическія воззрѣнія отдѣльныхъ индивидовъ находится подъ рѣшительнымъ вліяніемъ вѣры въ могущество общественнаго мнѣнія, — которое, хотя и не имѣетъ въ своемъ распоряженіи арсенала наказаній, угрожающихъ жизни, свободѣ или тѣлесной неприкосновенности провинившихся, но тѣмъ менѣе можетъ опредѣлять собою социальное положеніе отдѣльныхъ личностей. Орудіями общественнаго мнѣнія являются: триумфальная арка хвалы для его избранниковъ, или позорный столбъ насмѣшки и порицанія для оказывающихся того достойными. Страхъ предъ возможностью превращенія мнѣнія въ дѣйствіе служитъ уздою для тѣхъ, кто не хочетъ подчиниться ему добровольно.

Для того чтобы заставить уважать себя, общественное мнѣніе можетъ выдвинуть цѣлый рядъ демонстрацій, — юридически безразличныхъ, но важныхъ съ политической и обще-

ственной стороны. Вотъ почему для очень многихъ достаточно одного предположенія, нерѣдко даже лишеннаго фактической почвы, что общественное мнѣніе произнесло свой вердиктъ, поэтому или другому предмету, чтобы подчиниться ему.

Люди толпы отказываются даже отъ всякаго критическаго отношенія къ приговору общественнаго мнѣнія; основы его остаются для нихъ столь же неясными, какъ и формула присяги, произносимой ими на судѣ.

Слабохарактерные люди готовы отказаться отъ собственнаго самостоятельно выработаннаго убѣжденія и признать его заблужденіемъ, если оно оказывается противорѣчащимъ общественному мнѣнію. Благоразумные считаютъ въ такихъ случаяхъ цѣлесообразнымъ замаскировать свое мнѣніе и попридержаться съ нимъ до болѣе благоприятнаго времени. Когда общественное мнѣніе стоитъ въ апогеѣ своего могущества, только не многіе сильные умы и характеры отваживаются противопоставлять ему собственныя воззрѣнія, подсказываемыя ихъ совѣстью. Наоборотъ когда общественное мнѣніе готово измѣнить свое направленіе, мы встрѣчаемъ на аренѣ массу гладиаторовъ словесной и чернильной борьбы, обратившихся въ ярыхъ порицателей тѣхъ самыхъ идей, апостолами которыхъ они являлись еще такъ недавно.

Подобно тому какъ есть субъекты, ощущаю-

щие въ своемъ организмѣ близкую перемену погоды, такъ точно встрѣчаются люди, способные предвидѣть измѣненія въ общественномъ мнѣнїи. Таковъ былъ Талебранъ; такова «Times», поставившая себя задачею быть органомъ не одной опредѣленной партїи, но всего общества. Благодаря своей чуткости къ переменѣ политической погоды, она не разъ навлекала на себя несправедливыя наръканія въ безпринципности.

Указать точныя и ясныя признаки, обнаруживающія существованіе въ данныхъ обстоятельствахъ господствующаго народнаго мнѣнія—невозможно. Во многихъ случаяхъ оно имѣетъ мѣсто гораздо ранѣ своего проявленія наружу. Великіе государственные люди обладаютъ способностью заранѣе предугадывать, какъ отразятся на народномъ мнѣнїи извѣстныя событія и какой приговоръ ожидаетъ ихъ со стороны общественнаго мнѣнія. Иногда представляется, что общественное мнѣніе относится вполне безучастно къ борьбѣ мнѣній на публичной аренѣ; но разъ вызванное по какому нибудь поводу, оно неожиданно выступаетъ въ понятныхъ и осязательныхъ для всѣхъ формахъ.

Такъ какъ народъ въ своей совокупности, не можетъ непосредственно выражать своего мнѣнія, (въ особенности въ обширныхъ государствахъ новаго времени)—то въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ приходится отъискивать въ чемъ именно проявляется и воплощается это

мнѣніе. Для правильнаго выраженія своихъ мнѣній, народъ нуждается въ двойномъ представительствѣ: нужны люди умѣющіе какъ говорить за народъ такъ и понимать его настоящія стремленія. Можно смѣло сказать, что народное мнѣніе вообще выражается тѣмъ опредѣленнѣе и яснѣе, чѣмъ меньше числомъ, но значительнѣе по своимъ духовнымъ силамъ будутъ его добровольные представители. Голосъ іудейскаго народа ясно былъ слышенъ царямъ изъ устъ великихъ пророковъ. Въсѣтъ съ этимъ пророки имѣли замѣтное вліяніе и на развитіе и укрѣпленіе самого, представляемаго ими, народнаго мнѣнія. Положеніе и по нынѣ занимаемое жреческимъ сословіемъ въ восточныхъ государствахъ, объясняется отчасти тою политическою ролью, которую выполняетъ это сословіе рядомъ со своими религіозными функциями: въ немъ народъ находитъ орудіе для выраженія своихъ жалобъ на притѣсненіе и злоупотребленіе правителей.

Въ прошедшемъ столѣтїи главными представителями и руководителями общественнаго мнѣнія—какъ уже было говорено выше—служили немногіе, выдававшіеся и въ общественномъ и въ литературномъ и въ научномъ отношенїи, личности, обладавшія достаточною умственною и нравственною силою, чтобы сдѣлать свое слово вліятельнымъ въ очень широкомъ кругу и умѣвшія облечь это слово въ такія художественныя

формы, которыя дали массамъ возможность яснѣе и полнѣе постичь свои собственные стремленія. О вліяніи этихъ людей можно сказать, что слова ихъ дѣйствовали какъ зараза.

Съ другой стороны представляется очевиднымъ, что общественное мнѣніе тѣмъ болѣе теряетъ въ своей опредѣленности, чѣмъ болѣе расширяется кругъ людей, которые, отказавшись отъ самостоятельнаго сужденія и не обладая вмѣстѣ съ тѣмъ даромъ художественнаго творчества, дѣлаютъ своимъ ремесломъ наблюденіе текущей жизни и готовы, въ каждомъ мимолетномъ проявленіи минутнаго настроенія, видѣть и провозглашать откровеніе народнаго духа. Подобно тому, какъ отдѣльный человѣкъ не можетъ каждую минуту находиться въ готовности составить и высказать мнѣніе по любому данному вопросу, — такъ точно и народъ не имѣетъ ни возможности, ни склонности по поводу всѣхъ ежедневно возникающихъ, разнообразныхъ вопросовъ общественной жизни давать откровенія своего мнѣнія тѣмъ, которые взяли на себя быть выразителями и руководителями этого мнѣнія. Ясность общественнаго мнѣнія въ значительной степени зависитъ отъ существованія такого органа, который являлся бы отвѣтственнымъ самъ за выраженныя имъ мнѣнія. Для распознанія народнаго мнѣнія вообще, и въ сложномъ процессѣ современной жизни наипаче, — необходимы особыя высоко развитыя способно-

сти, «вопрошеніе народа» предполагаетъ, какъ необходимое условіе *jus agendi cum populo*; въ виду всего этого только въ рѣдкихъ случаяхъ можно признать дѣйствительное присутствіе народнаго сознанія въ тѣхъ анонимныхъ мнѣніяхъ, которыя выдаются за всеобщія. Въ деспотическихъ странахъ пасквиль, или салонная острота, намекъ въ оперномъ либретто, или взрывъ аплодисментовъ въ театрѣ могутъ считаться проявленіями общественнаго мнѣнія, лишеннаго законныхъ способовъ своего выраженія. Но въ свободныхъ государствахъ, гдѣ право гласнаго выраженія народнаго мнѣнія признано закономъ, анонимность служитъ признакомъ сомнѣнія въ своемъ правѣ со стороны тѣхъ, которые взяли бытъ глашатаями народныхъ воззрѣній, или обличаетъ недостатокъ мужества принять на себя отвѣтственность за выражаемое мнѣніе.

Въ настоящее время съ увеличеніемъ количества органовъ для выраженія мнѣній и съ развитіемъ техническихъ способовъ для ихъ распространенія, распознаніе общественнаго мнѣнія по тѣмъ или другимъ вопросамъ, составляющимъ предметъ публичнаго обсужденія, является вдвойнѣ труднымъ. Нерѣдко народъ не имѣетъ въ дѣйствительности вовсе никакого мнѣнія по извѣстному вопросу или же воззрѣнія его совершенно разнятся отъ тѣхъ, которыя проводятся его «представителями».

Собственно для понятія общественнаго мнѣнія совершенно безразлично свойство предметовъ, на которыя оно обращено.

Бидерманъ говоритъ: «Видъ предѣловъ общественнаго мнѣнія остаются или, по крайней мѣрѣ, должны оставаться всѣ вопросы, въ которыхъ единственнымъ безапелляціоннымъ судьей является собственное индивидуальное убѣжденіе». Это разсужденіе правильно въ его условной формѣ; но было-бы совершенно несправедливо утверждать, что общественное мнѣние по самой своей сущности можетъ касаться только опредѣленнаго, ограниченнаго круга предметовъ. Законодательство, конечно, можетъ въ исключительныхъ случаяхъ ограничить право общественнаго мнѣнія высказываться въ извѣстныхъ формахъ или касаться извѣстныхъ предметовъ. Точно также можно сказать, что нѣкоторые вопросы не должны подлежать обсужденію народнаго мнѣнія. Но для опредѣленія самаго понятія, а не достоинства общественнаго мнѣнія, совершенно безразлично какого направленія оно держится и будетъ ли оно по своему содержанию правильнымъ или ложнымъ. Общественное мнѣние можетъ и должно заниматься всѣми явленіями, происходящими публично и имѣющими соприсношеніе съ государственной жизнью. Всякій публично совершенный проступокъ противъ нравственности по справедливости подлежитъ его осужденію и карѣ, хотя бы проступокъ этотъ и

выходилъ изъ предѣловъ собственно политической сферы.

Въ числѣ многихъ попытокъ точно опредѣлить сущность общественнаго мнѣнія особеннаго вниманія заслуживаетъ попытка Саверіо Сколари.

«Общественное мнѣние, говоритъ онъ, принадлежитъ одновременно и всѣмъ, и никому; всѣмъ, такъ какъ всѣ мы живемъ въ одномъ гражданскомъ обществѣ, хотя и занимаемъ въ немъ различныя положенія; никому, если мы примемъ во вниманіе нашъ индивидуальный способъ мышленія и дѣйствія. Съ самаго перваго момента возникновенія общества является уже общественное мнѣние касательно всѣхъ жизненныхъ отправленій, удовлетворенія различныхъ нуждъ, употребленія тѣхъ или другихъ средствъ, достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей. Въ созданіи этого мнѣнія несомнѣнно участвуютъ всѣ члены общества: какова бы ни была степень развитія и дѣятельность индивида, онъ во всякомъ случаѣ имѣетъ нравственное вліяніе на окружающихъ лицъ не только положительнымъ образомъ, своимъ словомъ и примѣромъ, поучая и работая, но и отрицательно, своимъ молчаніемъ и отстраненіемъ отъ дѣлъ. Общественное мнѣние (*opinione popolare*) поэтому состоитъ не исключительно въ извѣстной комбинаціи представленій, но еще болѣе въ соединеніи этихъ представленій съ рядомъ фактовъ, вліяющихъ на лицъ его создающихъ».

По смыслу этого воззрѣнія образованіе общественнаго мнѣнія, противопологаемаго индивидуальному сознанию, есть актъ безсознательнаго творчества народнаго духа, имѣющій мѣсто въ каждой органически связанной общественной группѣ. Выраженіе же общественнаго мнѣнія есть приложеніе уже готовыхъ въ существѣ сужденій къ фактамъ развивающейся исторической жизни. Общественное мнѣнія является у Сколари въ тоже время и выраженіемъ народнаго правосознанія; это послѣднее отражается въ общественномъ мнѣніи и представляется съ нимъ тождественнымъ.

Дѣйствительно, по отношенію къ органическому процессу своего образованія, народное мнѣніе и народное правосознаніе имѣютъ много сходства между собою. Съ психологической точки зрѣнія несомнѣнно, что однѣ и тѣ же силы вызываютъ и то, и другое. Процессъ образованія того и другого является, по самой природѣ своей, безсознательнымъ актомъ. Почему именно народъ впервые связалъ извѣстные обычаи съ своими первоначальными правовыми идеями — остается въ большинствѣ случаевъ недоступнымъ изслѣдованію, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ первобытной эпохѣ; но, какъ кажется, при этомъ не было никакой сознательной цѣли.

Точно также и общественное мнѣніе въ древнѣйшія времена является не конечнымъ выводомъ какого-либо діалектическаго процесса, а

плодомъ духовнаго построенія, утвержденнаго на почвѣ преданія. Правовое сознаніе народа и народное мнѣніе суть тѣни, отдѣльныя духовныя нити которыхъ можно различить только разорвавъ ихъ, но которыя тѣмъ не менѣе отличны одна отъ другой.

Въ своемъ дальнѣйшемъ историческомъ развитіи народное право воплощается въ форму закона и достигаетъ цѣлесообразнаго, разумнаго и научнаго примѣненія; уже при посредствѣ юристовъ подобный же процессъ испытываетъ и общественное мнѣніе, въ первоначальной стадіи своего развитія однообразно и ясно высказывающееся въ древнихъ сказаніяхъ, облекающихъ народную мысль покровомъ поэзіи. Мало по малу народъ теряетъ способность пополнять запасъ унаслѣдованныхъ отъ предковъ воззрѣній съ тою же быстротою, съ какою возникаютъ новые факты общественной жизни, требующіе его приговора. Съ этихъ поръ общественное мнѣніе становится лишь подтвержденіемъ сужденій, выражаемыхъ передовыми самостоятельно мыслящими умами.

Признавая аналогію между правовымъ сознаніемъ народа и общественнымъ мнѣніемъ, необходимо отмѣтить и ихъ различіе.

Правовое народное сознаніе необходимо связано съ положительнымъ осуществленіемъ права на практикѣ и достигаетъ полнаго самопониманія уже послѣ того какъ завершить

циклъ своей творческой дѣятельности. Общественное мнѣніе перестаетъ существовать самостоятельно какъ только оно найдетъ осуществленіе въ формѣ законнаго установленія. Общественному мнѣнію чужды внѣшнія преграды, что можетъ иногда увлечь его на ложный путь; такъ напр., если въ своихъ проявленіяхъ оно преступаетъ границы, поставленныя религіей или нравственностью. Народное мнѣніе можетъ содержать въ себѣ представленія, погрѣшающія въ правовомъ отношеніи, что не мыслимо для народнаго правосознанія. Народное мнѣніе можетъ являться сотрудникомъ въ дѣлѣ законодательства и затѣмъ въ своемъ дальѣйшемъ развитіи переходить въ правовое сознаніе на почвѣ даннаго законодательства. Съ другой стороны правовое сознаніе, съ теченіемъ времени, можетъ заглохнуть, когда первоначально вызванный имъ законъ устарѣетъ и получить характеръ произвола или безнравственнаго насилія; на его мѣсто выступаетъ въ такомъ случаѣ общественное мнѣніе и, преодолевая мало по малу сопротивление судей, дѣлаетъ примѣненіе даннаго закона необычнымъ въ судебной практикѣ. Такимъ образомъ правовое сознаніе и общественное мнѣніе могутъ по временамъ совпадать или заступать мѣсто одно другого, но они никогда не могутъ противорѣчить другъ другу въ данный періодъ времени; хотя можетъ случиться, что общественное

мнѣніе послѣдующаго столѣтія станетъ въ противорѣчіе съ правовымъ сознаніемъ предъидущаго и на оборотъ.

Другое отличіе общественнаго мнѣнія отъ праваго сознанія заключается въ томъ, что область дѣятельности перваго гораздо шире нежели послѣдняго. Общественное мнѣніе, совпадая иногда съ воззрѣніемъ юристовъ, можетъ одобрять создаваемые ими законопроекты; оно можетъ также произносить суровые приговоры надъ лишенными правовой подкладки законами, являющимися какъ злоупотребленіе своею силою со стороны господствующей партіи. Но дѣятельность его имѣетъ еще и другую арену: оно охватываетъ области народнаго нравственности и народнаго благостоянія, которыя не подлежатъ дѣйствію законодательства.

Чтобы лучше уяснить себѣ сущность общественнаго мнѣнія слѣдуетъ рассмотретьъ его въ противоположности съ другими ограничивающими его понятіями.

Это рассмотрѣніе приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ;

1. Общественное мнѣніе какъ противоположность мнѣнію индивидуальному. Дѣйствительное народное мнѣніе можетъ отличаться отъ всѣхъ гласно высказываемыхъ отдѣльныхъ мнѣній, потому уже что оно не обязано въ каждую данную минуту публично заявлять о своемъ существованіи. Оно можетъ и молчать. Точно

также для народнаго мнѣнія вовсе не необходимо поглощать въ себѣ всѣ индивидуальныя мнѣнія: оно можетъ представляться дѣйствительнымъ фактомъ и въ томъ случаѣ, когда встрѣчаетъ себѣ противорѣчія и опроверженія.

2. Общественное мнѣніе какъ противоположность мнѣнію правительственныхъ органовъ. Общественное мнѣніе можетъ временами вступать въ борьбу со взглядами и стремленіями правительства. Основной принципъ современнаго конституціоннаго строя требуетъ, чтобы государство управлялось съ помощью общественнаго мнѣнія. Свободное правительство, по словамъ Бэджота, есть такое, которое не преслѣдуетъ и не оскорбляетъ враждебныхъ ему мнѣній народа, но путемъ убѣжденія склоняетъ ихъ на свою сторону. Не смотря на это, и въ свободномъ государствѣ можетъ возникать временный антагонизмъ между общественнымъ мнѣніемъ и мнѣніемъ правительственныхъ сферъ, такъ какъ нельзя требовать чтобы всякій государственный человѣкъ взялъ на себя нравственное обязательство постоянно удовлетворять всѣмъ требованіямъ общественнаго мнѣнія. Напротивъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ противодѣйствіе общественному мнѣнію является гражданскимъ долгомъ для политическаго дѣятеля.

3. Общественное мнѣніе какъ противоположность мнѣніямъ политическихъ пар-

тій. Общественное мнѣніе можетъ, какъ показываетъ исторія, находиться въ противорѣчіи съ парламентскимъ большинствомъ, особенно когда это большинство избрано подъ давленіемъ правительства. Отдѣльный избиратель, подъ вліяніемъ частныхъ интересовъ или изъ страха личныхъ убытковъ, можетъ подавать свой голосъ въ разрѣзъ съ общеннымъ мнѣніемъ и даже съ собственными желаніями. Можетъ случиться, что общественное мнѣніе утомится борьбою партій и оставитъ своихъ избранниковъ безъ поддержки. Подобное явленіе въ исторіи Франціи послѣ большой революціи всякій разъ рачищало путь для государственнаго переворота. Сущность англійской парламентской системы состоитъ именно въ томъ, что каждая изъ партій заранее признаетъ возможность 'лишиться поддержки общественнаго мнѣнія, и принимаетъ на себя безмолвное обязательство покориться его безапелляціонному приговору. На почвѣ англійской конституціонной жизни мнѣніе, одержавшее при голосованіи въ парламентѣ верхъ надъ меньшинствомъ—часто весьма многочисленнымъ—не получаетъ еще въ силу этого значенія общественнаго мнѣнія. Обѣ великія партіи борящіяся за власть сходятся въ томъ убѣжденіи, получившимъ нынѣ господство во всей странѣ, что большинство, выразившееся на парламентскихъ выборахъ, можетъ и дать министерству и отнять у

него право управления и распоряженія государствомъ. Въ другихъ странахъ Европы, наоборотъ, политическія партіи основываютъ свои притязанія на власть на догматы абсолютнаго превосходства и истины своихъ принциповъ и считаютъ, что общественное мнѣніе обязано имъ покоряться.

4. Общественное мнѣніе какъ противоположное мнѣніе специалистовъ. Хотя художники, писатели и техники, выпуская свои творенія въ свѣтъ, отдають ихъ на судъ всего общества и хотя Аристотель и признаетъ за массою способность критики даже по отношенію къ музыкальнымъ произведеніямъ, — тѣмъ не менѣе справедливость требуетъ признать, что правильная оцѣнка созданій художественнаго творчества со стороны публики возможна только тамъ, гдѣ, какъ въ Афинахъ или во Флоренціи, тонкое эстетическое чутье развито въ массѣ общества или гдѣ сужденіе знатоковъ принимаются какъ руководство всеми дилетантами. Чѣмъ шире становится кругъ лицъ, призванныхъ къ участию въ государственныхъ дѣлахъ, тѣмъ рѣзче и чаще замѣчается противоположность между мнѣніемъ специалистовъ и общественнымъ мнѣніемъ. Во всякомъ случаѣ общественному мнѣнію нельзя отказать въ извѣстномъ значеніи въ дѣлѣ критики памятниковъ, увѣковѣчивающихъ историческія событія и подвиги героев, такъ какъ для художниковъ существенно важно, чтобы

задуманныя ими изображенія моментовъ національной жизни были и по содержанію и по формѣ доступны пониманію массъ. Впрочемъ для самаго факта существованія общественнаго мнѣнія совершенно безразлично руководствуется ли оно или нѣтъ мнѣніемъ знающихъ специалистовъ.

5. Общественное мнѣніе какъ противоположность сословному мнѣнію отдѣльныхъ классовъ общества. Мы уже указывали на то рѣзкое противорѣчіе, въ которое стало общественное мнѣніе въ прошломъ столѣтіи по отношенію сословнымъ привилегіямъ. Нельзя отрицать существованіе общественнаго мнѣнія потому, что съ нимъ несогласны не только многія отдѣльныя личности, но и цѣлые классы общества. Требованіе равенства, заявленное французской революціей и провозглашеніе правъ человека согласовались съ общественнымъ мнѣніемъ французовъ. Въ случаяхъ столкновенія общественнаго мнѣнія съ сословнымъ рѣшающее значеніе имѣютъ два обстоятельства: важно во 1-хъ чувствуется ли и признается ли сила общественнаго мнѣнія и въ средѣ привилегированныхъ сословій, — какъ это имѣло мѣсто въ періодъ французской революціи; во 2-хъ находитъ ли общественное мнѣніе поддержку со стороны хотя нѣкоторыхъ лицъ, принадлежащихъ къ обличаемому имъ сословію и дѣйствующихъ такимъ образомъ противъ своихъ

собственныхъ матерьяльныхъ интересовъ. За исключеніемъ Жанъ Жака Руссо всё главные поборники общественнаго мнѣнія, враждебнаго сословнымъ привилегіямъ, принадлежали къ дворянству и высшему духовенству.

Вообще трудно съ точностью опредѣлить отношеніе общественнаго мнѣнія къ мнѣнію различныхъ сословій и классовъ общества.

Отдѣльное сословіе (дворянство, духовенство, купечество) можетъ являться представителемъ мнѣнія всего общества, когда рядомъ съ нимъ не существуетъ другихъ умственно и политически дѣятельныхъ центровъ. Наоборотъ возможно, что при существованіи сильной розни между сословіями общественное мнѣніе будетъ не въ силахъ вовсе сложиться. Преобладающее большинство въ томъ или другомъ сословіи не можетъ еще имѣть притязаній представлять собою общественное мнѣніе. Наконецъ возможны случаи, когда при столкновеніяхъ общественнаго и сословнаго мнѣній послѣднее получаетъ перевѣсъ въ глазахъ нѣкоторыхъ личностей. Мы можемъ найти примѣръ этого въ современной дѣйствительности. Общественное мнѣніе въ Германіи осуждаетъ поединки, воспрещенные и положительнымъ закономъ. На сословное мнѣніе поощряетъ обычай разрѣшать споры дуэлью и отдѣльныя личности подчиняются ему въ большинствѣ случаевъ, не только вопреки общественному мнѣнію и закону, но не рѣдко и вопреки

собственнымъ своимъ убѣжденіямъ. Таковую же силу могутъ оказывать и провинціальныя и мѣстныя воззрѣнія, расходящіяся съ общими. Здѣсь происходитъ тоже, что и въ области языка, гдѣ большинство остается при своихъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ и говорахъ, не смотря на признанное превосходство литературной рѣчи. Д. С. Милль отмѣчаетъ подобную же черту во взаимныхъ отношеніяхъ сектъ и господствующей церкви. Онъ обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что адепты мелкихъ сектъ гораздо болѣе преданы своему ученю нежели приверженцы господствующей церкви. Объясненіе этому Милль видитъ въ томъ, что ученія уклоняющіяся отъ господствующаго направленія, представляя болѣе поводовъ для обсужденія и нуждаясь въ постоянномъ отраженіи нападеній, крѣпче запечатлѣваются въ сознаніи своихъ сторонниковъ

Случается и такъ, что тѣ самые люди, которые выхваляютъ тѣ или другіе принципы, уклоняются отъ нихъ на практикѣ. Такъ напр. тамъ, гдѣ общественное мнѣніе возстаетъ противъ извращенія одежды въ угоду модамъ, легко встрѣтить людей, которые хотя и присоединяютъ свой голосъ къ общему хору, но на дѣлѣ не имѣютъ силы противостоять безнравственному обычаю, утѣшаясь втайнѣ мыслью, что къ ихъ частному случаю не относится общій, абстрактно выраженный приговоръ общественнаго мнѣнія.

ГЛАВА V.

Предметъ и содержаніе общественнаго мнѣнія.

Помогаетъ или вредитъ общественное мнѣніе рѣшенію государственныхъ задачъ и выполненію государственныхъ цѣлей—это вопросъ, подлежащій особому обсужденію въ каждомъ частномъ случаѣ. Говоря вообще нельзя сомнѣваться, что пока общественное мнѣніе относится терпимо и спокойно къ противоположнымъ ему воззрѣніямъ, оно, при всѣхъ своихъ заблужденіяхъ, не можетъ разсматриваться иначе, какъ признакъ духовной силы народа, его нравственнаго преуспѣянія и возрастающаго общественнаго чувства. Общественное мнѣніе становится опаснымъ и вреднымъ только тогда, когда оно стремится подавить проявленія индивидуальныхъ мнѣній. Деспотическій терроризмъ господствующихъ идей составляетъ такую же противоположность общественнаго мнѣнія въ истинномъ смыслѣ, какъ и недостатокъ гражданскаго чувства, перевѣсъ частныхъ интересовъ надъ общими и общественная анархія, при которой каждый преслѣдуетъ свои личныя цѣли въ ущербъ общественнымъ.

Въ глазахъ деспотовъ и по воззрѣніямъ, господствовавшимъ въ старыя времена въ чиновничьей кастѣ, каждый, относящійся не безразлично къ общественнымъ интересамъ, являлся

уже человѣкомъ «опаснымъ». Еще и нынѣ люди, спокойно сидящіе по домамъ и безропотно подчиняющіеся патріархальнымъ порядкамъ, пользуются, въ качествѣ «благонадежныхъ», особыми симпатіями со стороны боязливыхъ государственныхъ дѣятелей. Во Франціи до революціи люди, не имѣвшіе никакихъ политическихъ мнѣній, назывались «честными людьми» (*les honnêtes gens*).

По словамъ Мирабо подобныя «честныя люди» составляютъ самый опасный элементъ въ государствѣ:

«Тѣ, кого называютъ философами, требуютъ свободы печати и нерѣдко доводятъ ее до распущенности (*licence*); поэтому слѣдуетъ остерегаться ихъ ученій.—Вотъ любимый аргументъ такъ наз. «честныхъ людей». Люди эти дѣйствительно «честны» въ узкомъ смыслѣ, въ своей частной жизни, но не умѣя ни обобщать идей, ни схватывать общій смыслъ общественной жизни—они по истинѣ опасны какъ граждане и представляютъ собою, быть можетъ, самыхъ страшныхъ враговъ прогресса въ чловѣческихъ дѣлахъ».

Полное отсутствіе всякаго проявленія общественнаго мнѣнія было бы мыслимо только послѣ того, какъ угасъ бы и самый духъ народа.

Съ другой стороны и безграничное господство общественнаго мнѣнія заключаетъ въ себѣ много опаснаго, если оно развивается на счетъ за-

конной независимости индивидуальной жизни. Являясь какъ ограниченіе и противовѣсъ сословной и кастовой исключительности, чиновничьяго своекорыстія и деспотическихъ капризовъ, общественное мнѣніе не можетъ требовать абсолютнаго авторитета и для самаго себя. Оно должно помнить, что непогрѣшимость вообще несвойственна людямъ и что каждое заблужденіе дѣлается тѣмъ опаснѣе, чѣмъ большее число людей его раздѣляютъ. Начало большинства имѣетъ свое относительное оправданіе въ сферѣ государственныхъ дѣйствій, но нельзя распространять его и на область мнѣній. Общественное мнѣніе отнюдь не имѣетъ права ставить преграды проявленію индивидуальныхъ взглядовъ. Тамъ гдѣ давящій терроризмъ возрѣній массы достигаетъ такой степени, что люди выдающихся способностей вынуждены отстраниться отъ дѣлъ, сознавая невозможность сдѣлать свой голосъ слышимымъ,—тамъ общественному развитію грозитъ не менѣе серьезная опасность, какъ и при недостаточномъ развитіи духа общности. Именно эта опасность и выставляется на видъ противниками общественнаго мнѣнія въ новѣйшее время.

На сколько само общественное мнѣніе не должно быть тѣснимо на столько же и оно не должно тѣснить индивидуальныхъ убѣжденій.

Каждое мнѣніе должно быть оцѣниваемо по его достоинству и степени справедливости, безъ

всякаго отношенія къ тому, кѣмъ оно высказано. Нѣтъ никакого основанія оставлять то или другое мнѣніе безъ внимательной провѣрки потому только, что оно выражаетъ собою взглядъ, господствующій въ народѣ.

Ни что не заставляетъ думать, будто масса общества должна судить правильнѣе, нежели меньшинство мыслящихъ людей, если только это меньшинство не является лично заинтересованнымъ въ дѣлѣ. Совершенно иной вопросъ: какое политическое значеніе присуше общественному мнѣнію? Чѣмъ въ дѣйствительности обуславливается его авторитетъ? Общественное мнѣніе тѣмъ и отличается отъ индивидуальныхъ взглядовъ, что оно является политической силой даже и въ случаѣ своей ошибочности и рѣшительнаго превосходства надъ нимъ индивидуальныхъ возрѣній. Такимъ образомъ, этическое достоинство общественнаго мнѣнія и значеніе его, какъ силы, не одно и то же. Точно также оцѣнка общественнаго мнѣнія какъ силы, — тамъ гдѣ она хоть приблизительно возможна,—не всегда совпадаетъ съ опредѣленіемъ дѣйствительнаго его вліянія; это послѣднее можетъ быть иногда чрезмѣрнымъ, иногда, наоборотъ, слишкомъ незначительнымъ.

При изслѣдованіи значенія и достоинства общественнаго мнѣнія въ томъ или другомъ случаѣ необходимо обращать вниманіе на его пред-

меть и содержаніе. Есть вопросы, болѣе нежели другіе поддающіеся сужденію массъ. Сообразно этому извѣстный кругъ предметовъ можетъ представляться подходящимъ или неподходящимъ объектомъ общественнаго мнѣнія. Тамъ, гдѣ существуетъ право всеобщей подачи голосовъ, предполагается, что масса народа способна судить о главнѣйшихъ вопросахъ общественной жизни. Все вопросы, для рѣшенія которыхъ необходима техническая подготовка и извѣстная доля умѣнья и опытности, не могутъ подлежать суду народнаго мнѣнія. Если для обсуждения спорнаго дѣла требуется содѣйствіе ученыхъ юристовъ, не можетъ быть и рѣчи о большей компетентности приговора присяжныхъ, хотя бы ихъ приходилось по цѣлой сотнѣ на каждого судью. Кто утверждаетъ противное, тотъ долженъ признать, что точно также и въ медицинской практикѣ лекарство, одобряемое несвѣдущею массою, должно имѣть преимущество предъ тѣмъ, которое назначаетъ паціенту опытный врачъ. Нерѣдко и на самомъ дѣлѣ основные принципы врачебнаго искусства подчиняются сужденію массъ. Каждый специалистъ долженъ быть приготовленъ, что его дѣятельность будетъ подвергнута общественному коитролю, какъ только она проявится наружу. Жильцы дома по собственному опыту могутъ судить лучше архитектора, на сколько этотъ домъ отвѣчаетъ ихъ потребностямъ, ожиданіямъ и вкусамъ; они могутъ въ извѣст-

ныхъ случаяхъ выразить правильное мнѣніе даже и о проектѣ постройки. На основаніи всей дѣятельности извѣстнаго специалиста и его личныхъ качествъ складывается общее о немъ мнѣніе, оказывающее значительное вліяніе на оцѣнку тѣхъ или другихъ его отдѣльныхъ дѣйствій.

Подобныя предвзятія мнѣнія о людяхъ играютъ важную роль въ военномъ дѣлѣ. Блюхеръ, не смотря на свою глубокую старость и сомнительное превосходство предъ другими генералами въ знаніи военной науки и военной техникѣ, былъ опаснѣйшимъ противникомъ Наполеона, именно благодаря неограниченному довѣрію, которымъ онъ пользовался. То личное вліяніе, которое онъ имѣлъ на войско, не могло быть никѣмъ и ничѣмъ замѣнено. Мнѣніе войска относительно способности или неспособности своего вождя можетъ оказывать такое рѣшительное дѣйствіе на состояніе духа арміи, что сообразоваться съ нимъ является положительнымъ требованіемъ политической мудрости.

Простой солдатъ, вышедшій изъ народа и возвращающійся въ народъ, не въ состояніи, конечно, сдѣлать точную оцѣнку плановъ своего военачальника и понять ихъ основанія, но онъ очень часто можетъ правильно судить о способности и умѣлости этого военачальника. Тамъ, гдѣ армія набирается изъ народа, путемъ всеобщей воинской повинности, можно сказать съ полнымъ правомъ, что сужденія о великихъ по-

ходахъ, складывающіяся на основаніи того, что каждый видѣлъ и слышалъ собственными глазами и ушами, являются однимъ изъ важнѣйшихъ проявленій народнаго мнѣнія; въ такихъ случаяхъ непосредственное сужденіе простаго человека не рѣдко имѣетъ болѣе цѣны, нежели мнѣніе историка, вооруженнаго теоретическими свѣдѣніями въ военной наукѣ.

Если въ военномъ дѣлѣ сужденіе специалистовъ, въ особенности послѣ удачно оконченныхъ войнъ, по большей части пользуется уваженіемъ со стороны общества, то далеко нельзя сказать того же по отношенію къ внутренней политикѣ. Технические успѣхи здѣсь не настолько очевидны какъ на войнѣ. Въ военной исторіи всѣхъ великихъ государствъ встрѣчаются популярныя полководцы, но мы не знаемъ случая, чтобы хоть одинъ министръ финансовъ пользовался долгою популярностью. Обыкновенно эта популярность живетъ лишь до тѣхъ поръ, пока находятъ нишу надежды на значительное облегченіе тягостей, лежащихъ на странѣ. Рѣдко приходится слышать голосъ общественнаго мнѣнія въ затруднительныхъ вопросахъ государственнаго управленія; если же оно и направляется въ эту сторону, то, въ большей части случаевъ, мы наталкиваемся только на малосодержательныя жалобы, на тягость государственныхъ налоговъ и неуравновѣренность ихъ распредѣленія; повидимому, всѣ

единодушны въ убѣжденіи, что каждый платитъ слишкомъ много.

Исключеніе изъ этого правила составляло во всѣ времена отношеніе общественнаго мнѣнія къ полиціи, технической аппаратъ которой хотя и довольно простъ, но глубоко проникаетъ въ область нравственныхъ интересовъ. Каждый легко согласится, что положеніе, въ которомъ общественное мнѣніе стоитъ по отношенію къ полиціи, предупредительной и уголовной, существенно опредѣляетъ степень общественной безопасности.

Континентальная полиція не можетъ еще раздѣляться съ тѣмъ наслѣдствомъ, которое накопилось у ней отъ прошлыхъ временъ, начиная съ Людовика XIV, Бастили и *lettres de cachét*, до преслѣдованій германскихъ «демагогическихъ происковъ» и пресловутыхъ комиссій германскаго союзаго совѣта. Въ дѣлѣ политическихъ преслѣдованій она постоянно имѣетъ общественное мнѣніе противъ себя. Общество почти всегда на сторонѣ преслѣдуемыхъ. На сколько важенъ такой фактъ показываетъ состояніе дѣлъ въ Сициліи въ новѣйшее время. Совершенно инымъ представляется положеніе вещей въ Англии, благодаря тому, что преслѣдованіе преступленій входитъ здѣсь въ кругъ вѣдѣнія органовъ мѣстнаго самоуправленія и принадлежитъ инициативѣ самихъ гражданъ; какъ характерную черту континентальной политической нравственно-

сти слѣдуетъ отмѣтить, что даже самое добросовѣстное и полезное государству обвиненіе, исходящее отъ частнаго лица (напр. о казнокрадствѣ), клеймится здѣсь позорнымъ именемъ «доноса», тогда какъ въ Англіи охраненіе общественной безопасности считается почетною гражданскою обязанностію. Постоянныя органы обвинительной власти въ странахъ, гдѣ введено французское право, точно также пользуются очень малымъ довѣріемъ. Мы видимъ отсюда, что при организаціи полиціи и при опредѣленіи средствъ, находящихся въ ея распоряженіи, нельзя не принимать во вниманіе требованій политической нравственности. Эти требованія придають высокое значеніе и самому общественному мнѣнію.

Притязанія общественнаго мнѣнія на значеніе цензурующей власти въ области народной нравственности, едва ли могутъ кому либо казаться сомнительными; такъ какъ именно въ этомъ отношеніи современная государственная жизнь представляетъ прискорбныя пробѣлы. Уголовныя законы только въ очень незначительной степени могутъ замѣстить общественную мораль; то нравственное воздѣйствіе, которое оказывала въ средніе вѣка церковь, исчезло, и на мѣсто его не создано ни какого положительнаго вліянія, могущаго составить противовѣсъ безмѣрному развитію индивидуалистическихъ и эгоистическихъ стремленій.

Въ большей части континентальныхъ странъ слабость и безсиліе общественнаго мнѣнія въ области общественной нравственности представляются очевидными. Нарушенія гражданской и политической свободы, небезопасность основныхъ естественныхъ правъ здѣсь пытаются вознаградить предоставленіемъ индивиду полной свободы отъ всякихъ стѣсненій въ области нравственности. Нерѣдко даже высокообразованные люди смѣшиваютъ беззаканность предъ закономъ съ неотвѣтственностію предъ общественнымъ мнѣніемъ. Такъ на примѣръ тѣ люди, которымъ по праву и обязанности принадлежитъ руководство въ сферѣ нравственности, не только вполнѣ основательно возставали противъ старыхъ законовъ о ростѣ, экономически вредныхъ и безсильныхъ на практикѣ, но сверхъ того и настаивали, уже совершенно несправедливо, на нравственно безразличномъ характерѣ ростовщичества, какъ одной изъ отраслей экономической дѣятельности. Общественное мнѣніе не сдѣлало своевременно вооружиться противъ распушенности промышленнаго предпринимательства, противъ фальсификаціи жизненныхъ припасовъ, противъ повальной мошеннической эксплуатаціи; между тѣмъ есть много вѣроятностей, что судъ чести общественнаго мнѣнія, своевременно развившійся на почвѣ ассоціаціи, подкрѣпленный вліаніемъ печати и вооруженный правомъ открытаго возбужденія

обвиненій со стороны частныхъ гражданъ, достигъ бы гораздо большихъ результатовъ, чѣмъ самое добросовѣстное примѣненіе уголовныхъ законовъ постоянными органами власти. Общественное мнѣніе въ Германіи, сосредоточившись на вопросахъ формальнаго права, совершенно удалилось отъ этой глубоко важной задачи—быть судьей общественной нравственности.

Великіе культурно историческіе результаты, достигнутые общественнымъ мнѣніемъ въ Англіи за послѣднее столѣтіе, лежатъ въ области политической нравственности. Эмансипація евреевъ и католиковъ, отмена старыхъ жестокихъ уголовныхъ законовъ и разныя улучшения въ тюремномъ дѣлѣ, достигнутые общими, совокупными усилиями внѣ-официальныхъ круговъ, подъ руководствомъ Говарда, сэра Самюэля Ромилли, Брума, Маконоки, Макинтона, Матю Девенпорта Гля, борьба противъ жестокаго обращенія съ животными, поддерживаемая многочисленными частными обществами, вытѣсненіе старой продажности изъ парламентскихъ нравовъ, различныя улучшения въ положеніи рабочихъ, уничтоженіе поединковъ и, наконецъ, самое важное, уничтоженіе невольничества—вотъ завоеванія общественнаго мнѣнія, нашедшаго себѣ великихъ руководителей, бывшихъ въ то же время и его первыми слугами. Большая часть великихъ парламентскихъ дѣятелей приобрѣли громкую славу не одними лишь рѣчами и голосова-

ніями въ стѣнахъ законодательнаго собранія, но еще болѣе своею неутомимою, направленною на гуманныя дѣла, дѣятельностью внѣ парламента.

Возможны конечно случаи, когда нравственный судъ общественнаго мнѣнія обращается не на тѣ объекты какъ бы слѣдовало, когда оно впадаетъ въ узкій пуританизмъ. Такъ, весьма сомнительно удерживается ли общественное мнѣніе въ правильныхъ границахъ, когда, на примѣръ, въ Англіи оно отнимаетъ у народа въ воскресные дни всякія средства для обученія или развлеченія, или когда—по весьма впрочемъ почтеннымъ побужденіямъ—оно возстаетъ противъ вписекцій, необходимыхъ для науки, или же, наконецъ, когда оно совершенно запрещаетъ, въ нѣкоторыхъ штатахъ Америки, всякое употребленіе крѣпкихъ напитковъ. Но какъ бы ни были значительны всѣ подобные недостатки и заблужденія, во всякомъ случаѣ, совершенно не отвѣчало бы высокимъ и идеальнымъ цѣлямъ національной жизни предоставить охраненіе добрыхъ нравовъ и общественной нравственности церковной проповѣди, прокуратурѣ и полиціи.

Область спеціальной технической дѣятельности и область общественной нравственности—составляютъ два крайніе полюса для оцѣнки внутренняго значенія общественнаго мнѣнія; между этими полюсами лежитъ нѣсколько, приближающихся то къ тому, то къ другому, переходныхъ ступеней.

Чѣмъ въ болѣе общей формѣ ставится данный вопросъ, чѣмъ ближе соприкасается онъ съ областью нравственной жизни, тѣмъ съ болѣшимъ правомъ можемъ мы ожидать услышать изъ устъ народа отвѣтъ на него, имѣющій практическое значеніе. Наоборотъ, чѣмъ болѣе подготовительныхъ работъ требуется для рѣшенія той или иной задачи, чѣмъ затруднительнѣе разъясненіе спорнаго факта, тѣмъ рѣже можно надѣяться на удовлетворительность народнаго сужденія по его поводу.

Общественное мнѣніе только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ ориентироваться въ лабиринтѣ дипломатическихъ переговоровъ и въ сложныхъ перипетіяхъ бумажной дипломатической войны; но оно вполне способно произнести правильный приговоръ, основанный на соображеніи національныхъ интересовъ или международной справедливости, въ крупныхъ вопросахъ международнаго права и международной нравственности; высказаться за войну или миръ, или за нейтралитетъ, благосклонный или угрожающій одной изъ воюющихъ сторонъ. Само собою разумѣется, что направленіе общественнаго мнѣнія точно также какъ и взгляды отдѣльныхъ личностей, опредѣляется не одной лишь идеею чистой справедливости, но въ значительной степени и соображеніями выгоды. Понятно поэтому, приговоры его бывають болѣе безпристрастны, когда они касаются государствъ не сосѣднихъ, а отдален-

ныхъ. Сужденія общественнаго мнѣнія являются лишенными фактической подкладки тамъ, гдѣ законодательство и административная практика облакають веденіе дѣлъ тайною; но разъ покровъ этой тайны разорванъ и скрывавшіеся до того факты дѣлаются достояніемъ общества, нельзя пренебрегать его приговоромъ. Еще и понынѣ въ народѣ живетъ, завѣщанное исторіей, повсемѣстное недовѣріе къ политикѣ скрытности и тайны; это недовѣріе дѣлаетъ задачею новѣйшихъ правительствъ довести начало гласности до тѣхъ предѣловъ, которые требуются интересами народнаго благосостоянія. Неизмѣримыя выгоды, принесенныя гласностью въ сферѣ суда, до того очевидны, что теперь трудно даже понять, какъ можно было когда нибудь въ нихъ сомнѣваться.

Уголовный судъ представляетъ излюбленную арену для—правомѣрной или неправомѣрной—дѣятельности общественнаго мнѣнія. Хотя и въ старомъ слѣдственномъ процессѣ и при современной системѣ, съ самаго момента возбужденія преслѣдованія противъ данной личности, всякія выраженія общественнаго сужденія о дѣлѣ не допускаются, тѣмъ не менѣе опытъ показываетъ намъ, что общество не остается безучастнымъ въ слѣдственномъ производствѣ. Склоняясь, то въ ту, то въ другую сторону, оно иногда беретъ обвиняемаго подъ свою защиту противъ дѣйствительнаго или воображаемаго пристрастія

обвинительной власти, иногда же, наоборотъ, преслѣдуетъ его даже послѣ суда, не удовлетворяясь ни приговоромъ, ни наказаніемъ.

При примѣненіи уголовного закона судъ нечего заботиться о томъ, отнесется ли общественное мнѣніе одобрительно или нѣтъ къ его приговору, но онъ обязанъ сообразоваться съ общественнымъ пониманіемъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ граница наказуемости является сомнительною. Въ дѣйствительности судъ во многихъ странахъ находится подъ давленіемъ общественного мнѣнія. Это давленіе въ особенности даетъ себя чувствовать тамъ, гдѣ юридическая опытность цѣнится не особенно высоко, гдѣ не существуетъ пожизненности судей и гдѣ судебный персоналъ пополняется народными выборами. Присяжные могутъ протѣвиться вліянію общества еще менѣе нежели коронные судьи. Поэтому едва ли можетъ представляться желательнымъ, чтобы общество имѣло возможность заранѣе составить сужденіе о виновности или невинности подсудимаго. 17 стат. германскаго имперскаго закона о печати, выработанная по французскому образцу, выражаетъ особую заботливость объ устраненіи посторонняго вліянія на присяжныхъ и запрещаетъ съ этою цѣлью опубликованіе обвинительнаго акта и слѣдственныхъ документовъ ранѣе прочтенія ихъ на судѣ; здѣсь впервые они должны получить гласность.

Даже и послѣ произнесенія приговора, выраженія одобренія или неодобренія общества, въ лицѣ присутствующей публики, также мало допускаются на судъ, какъ и въ законодательныхъ палатахъ. Впрочемъ подобное ограниченіе касается не самаго права общественного сужденія, а лишь неудобной формы его внѣшняго проявленія, могущей представлять при извѣстныхъ условіяхъ, въ моменты возбужденія, положительную опасность.

Судьи, хотя бы ученые юристы, должны быть готовы къ строгому разбору ихъ рѣшеній со стороны общества. Если законъ придаетъ сужденію общества, въ лицѣ шеффеновъ или присяжныхъ извѣстное значеніе въ области суда, нелѣпо было бы относиться съ пренебреженіемъ къ голосу печати въ этомъ дѣлѣ. Общественное мнѣніе свободныхъ и политически развитыхъ націй само наблюдаетъ естественную границу, отдѣляющую критику закона отъ неповиновенія ему. Пока тотъ или другой законъ существуетъ, онъ считается обязательнымъ, хотя бы и составлялъ предметъ общаго порицанія. Точно также и авторитетъ суда не можетъ страдать отъ спокойной критики отдѣльныхъ рѣшеній. Возможно скорѣйшее разоблаченіе юридическихъ ошибокъ представляетъ всеобщій интересъ; было бы преступленіемъ заставить невинно осужденнаго страдать пзъ-за близорукихъ соображеній политики умолчанія.

Требованія отъ судьи не могутъ идти далѣе того, чтобы онъ дѣйствовалъ независимо, по внушенію совѣсти и на основаніи тщательнаго разсмотрѣнія всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Никто не можетъ ожидать отъ судьи непогрѣшимости. Гласный разборъ ошибокъ, допущенныхъ судомъ, можетъ принести существенную пользу, особенно въ томъ случаѣ, если органамъ печати удастся показать, что судьями были упущены или пренебрежены тѣ или другіе способы открыть истину. Безъ добросовѣстнаго обсужденія дѣйствій суда, гласность судебного процесса не имѣла бы смысла.

Признавать за общественнымъ мнѣніемъ право порицанія или одобренія религиозныхъ вѣрованій единичныхъ личностей или признанныхъ религиозныхъ обществъ было бы не совмѣстно съ началами полной свободы совѣсти. Иной характеръ имѣетъ критика въ 'такихъ' церковныхъ дѣлахъ, которыя выходятъ изъ области вѣры и богослуженія и соприкасаются съ политическими и общественными отношеніями. Даже средніе вѣка не стѣсняли обличеній распущенности духовенства. Существенно важною задачею общественнаго мнѣнія является не критика религиозныхъ вѣрованій, а совершенно на оборотъ, охраненіе ихъ отъ легкомысленныхъ нападеній и поддержаніе достоинства въ религиозной жизни. Дѣло идетъ здѣсь не объ научномъ изслѣдованіи вопросовъ вѣры; подобное изслѣ-

дованіе отдѣляется цѣлою бездною отъ глумленій толпы надъ всякимъ религиознымъ ученіемъ, находящихся себѣ выраженіе въ низменныхъ слояхъ прессы. Можно поэтому отнестись только съ одобреніемъ къ стремленіямъ общественнаго мнѣнія въ Англіи устранить разсужденія о религиозныхъ вопросахъ на ненадлежащей почвѣ, стремленіямъ не остающимся безъ результата. Какъ не каждый разговоръ удобенъ въ обществѣ дѣтей, такъ точно не каждый споръ можно вести предъ толпой. Законъ не можетъ конечно полагать здѣсь никакихъ ограниченій, но это должно быть дѣломъ общественнаго мнѣнія.

Та сила, которую выказываетъ общественное мнѣніе въ отдѣльныхъ случаяхъ, по большей части не зависитъ отъ свойства предметовъ, на которые оно направлено. Можно замѣтить, впрочемъ, что вліяніе общественнаго мнѣнія вообще оказывается менѣе дѣйствительнымъ по отношенію къ могущественнымъ сословіямъ, нежели по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ и учрежденіямъ. Сословныя привилегіи дворянства и духовенства въ прошломъ столѣтіи оказались подалливѣе предъ напоромъ общественнаго мнѣнія, чѣмъ нѣкоторыя исключительныя условія военной организаціи въ наше время.

Въ остальномъ дѣйствительная сила общественнаго мнѣнія опредѣляется соображеніями, не имѣ-

ющими прямой связи съ его этическимъ и интеллектуальнымъ содержаніемъ.

Прежде всего здѣсь слѣдуетъ напомнить еще разъ замѣчаніе, сдѣланное Блюнчли, что общественное мнѣніе имѣетъ гораздо болѣе силы въ отрицательномъ направленіи, при противодѣйствіи тѣмъ или другимъ правительственнымъ планамъ, нежели въ положительномъ, при осуществленіи собственныхъ требованій. Понятно, что безъ его поддержки не могутъ быть приведены въ исполненіе такіа мѣропріятія, которыя требуютъ активнаго содѣйствія народа. Принудительная власть государства тоже имѣетъ свои границы. Большія статистическія операціи, напримѣръ, при которыхъ слѣдуетъ разсчитывать на содѣйствіе отдѣльныхъ гражданъ, хотя и возможны среди населенія, относящагося къ нимъ съ недовѣріемъ и равнодушіемъ или лишеннаго чувства общности—въ родѣ народовъ востока—но они лишены въ такихъ случаяхъ всякой гарантіи достовѣрности.

Что отрицательная сторона общественнаго мнѣнія должна быть сильнѣе положительной, это понятно уже изъ того, что соединить большое число людей всего легче на какомъ нибудь отрицаніи. Не нужно большихъ усилій, чтобы сдѣлать привиллегіи какого-нибудь класса ненавистными для всѣхъ непривилегированныхъ. Переходъ отъ аристократіи къ демократическимъ принципамъ легче поэтому, чѣмъ наоборотъ.

Довольно трудно убѣдить людей и еще труднѣе заставить ихъ сознаться, что государственное цѣлое можетъ сколько нибудь выиграть отъ раздѣленія и правильной организаціи политическихъ функцій.

Какъ доказательство возможности добиться при помощи общественнаго мнѣнія осуществленія и положительныхъ требованій приводятъ примѣръ англійской парламентской реформы. Но не слѣдуетъ забывать, что ядро этой реформы составляло уничтоженіе привиллегій «гнилыхъ мѣстечекъ» и, затѣмъ, что возбужденіе умовъ во время агитаціи по поводу билля о реформѣ приняло крайне опасный характеръ, угрожающій открытымъ возстаніемъ, для подавленія котораго правительство не имѣло въ своихъ рукахъ физической силы,—обыкновеннаго средства для успокоенія умовъ на континентѣ. Если бы не существовало такихъ грозныхъ признаковъ, общественному мнѣнію едва ли удалось бы преодолѣть сопротивленіе верхней палаты.

Есть еще и другая причина, почему отрицательныя требованія общественнаго мнѣнія имѣютъ преимущество предъ положительными. Причина эта лежитъ въ большемъ удобствѣ, представляющемся при этомъ для продолжительнаго воздѣйствія. Стоять твердо на отрицаніи сравнительно легче; разъ высказанное, оно не требуетъ дальнѣйшаго напряженія душевныхъ силъ для своего поддержанія. Не то въ противопо-

ложномъ случаѣ. Сдѣлалось общимъ мѣстомъ политической тактики, что отдѣлаться отъ неприятныхъ или несправедливыхъ притязаній общественнаго мнѣнія всего удобнѣе, выдвинувъ впередъ новые интересы и отвлекая, такимъ образомъ, вниманіе общества въ другую сторону. Затѣмъ для государственнаго дѣятеля, пользующагося вліяніемъ, легко сдѣлать кажущіяся только уступки общественному мнѣнію, которыя хотя удовлетворяютъ и не всѣхъ недовольныхъ, но по крайней мѣрѣ лишаютъ оппозицію поддержки со стороны массы колеблющихся и нерѣшительныхъ умовъ.

Опытъ показываетъ, что въ наши дни общественное мнѣніе въ политическихъ дѣлахъ чаще испытываетъ измѣненія, чѣмъ въ прежнее время. Съ разширеніемъ круга предметовъ, на которые обращается наше вниманіе, съ усилившимся раздѣленіемъ труда въ духовной области, вынуждающимъ единичныя личности останавливаться преимущественно на извѣстныхъ задачахъ, съ увеличившеюся быстротою въ смѣнѣ господствующихъ надъ нами впечатлѣній внѣшняго міра, — и общественное мнѣніе потеряло часть своей устойчивости и постоянства. Вмѣстѣ съ этимъ уменьшилась и вѣроятность успѣшности его усилій тамъ, гдѣ нужна настоящая дѣятельность. Общественное мнѣніе теперь созрѣваетъ быстрѣе, но за то быстрѣе и увядаетъ. Нерѣдко оно совсѣмъ улетучивается въ

короткій промежутокъ времени. Уже эти явленія сравнительно большей устойчивости или измѣнчивости общественнаго мнѣнія заставляютъ насъ обратить вниманіе на процессъ его возникновенія. Ясно, что тотъ путь, которымъ происходитъ образованіе общественнаго мнѣнія не можетъ остаться безъ вліянія какъ на внутреннее его достоинство, такъ и на признаваемое за нимъ значеніе.

ГЛАВА VI.

Процессъ образованія общественнаго мнѣнія.

Во второй и третьей главѣ настоящаго изслѣдованія уже сдѣланы были нѣкоторыя указанія на общій историческій ходъ развитія общественнаго мнѣнія. Мы видѣли, что развитіе это опредѣляется отчасти общими, отчасти же особенными, временными и мѣстными историческими и національными условіями.

Само собою разумѣется, что всякое коллективное мнѣніе предполагаетъ существованіе общечеловѣческаго, общественныя основы человѣческой жизни. На этихъ основахъ развивается естественная особность и необходимое взаимодѣйствіе общаго и частнаго права, общихъ и частныхъ интересовъ, общаго и частныхъ мнѣній.

На первоначальной ступени общественной жизни, общія представленія всегда и повсюду

имѣютъ перевѣсъ надъ личными индивидуальными воззрѣніями. Если мы прослѣдимъ происхождение той категоріи собственности, которая называется «духовною», мы найдемъ, что она явилась послѣднею. Въ процессѣ выдѣленія личной сферы изъ коллективныхъ формъ жизни семьи, рода, племени, общины, государства прежде всего явилась собственность движимая, затѣмъ право собственности распространилось на землю и, наконецъ, уже обняло собою и не матеріальныя, духовныя блага. На первомъ планѣ въ старыхъ формахъ жизни стояло коллективное мнѣніе общества, различія въ личныхъ взглядахъ были незначительны.

Процессъ возрастающей индивидуализаціи мнѣній тождественъ съ процессомъ человѣческой культуры. Онъ находится въ зависимости отъ степени духовной одаренности народа, отъ формъ его государственной жизни, отъ устройства общественныхъ отношеній и, наконецъ, отъ существующихъ средствъ для сообщенія между членами общества и для передвиженія въ пространствахъ.

Сравнительно не трудно прослѣдить процессъ образованія коллективнаго мнѣнія въ тѣсныхъ предѣлахъ государственныхъ общинъ древняго міра. Рядомъ съ передачею мнѣній по преданію отъ одного поколѣнія къ другому, значительная роль принадлежала здѣсь непосредственному общенію взглядовъ между гражданами общины. За-

тѣмъ каждый членъ общества въ личномъ своемъ опытѣ имѣлъ масштабъ для оцѣнки относительной силы мнѣнія: общаго и его собственнаго.

Гораздо болѣе сложнымъ и менѣ поддающимся изображенію является процессъ происхожденія и развитія общественныхъ воззрѣній въ новомъ мірѣ. Съ разныхъ сторонъ признается, что анализъ общественнаго мнѣнія представляетъ для психологіи задачу, рѣшеніе которой возможно только при помощи ряда самыхъ тщательныхъ наблюденій.

Бидерманъ утверждаетъ, совершенно справедливо, что наблюденіе и изложеніе исторіи роста общественнаго у одного или нѣсколькихъ народовъ составляетъ одну изъ самыхъ интересныхъ, но въ тоже время и самыхъ трудныхъ задачъ и для исторіи культуры.

По весьма понятнымъ причинамъ мы встречаемъ наиболѣе вниманія къ этой задачѣ у историковъ тѣхъ странъ, гдѣ проявленія общественнаго мнѣнія были замѣтнѣе и гдѣ оно оказывало непосредственное вліяніе на общественную жизнь. Первое мѣсто занимаетъ въ этомъ отношеніи Англія. У Маколея, Бокля, Лекки, Грина мы находимъ всегда должное вниманіе какъ къ проявленіямъ общественнаго мнѣнія, такъ и къ тѣмъ факторамъ, подъ вліяніемъ которыхъ оно складывалось въ Англіи: театру, кофейнямъ, клубамъ, журналамъ и занимающимъ общество экономическимъ вопросамъ.

Исторія новѣйшаго конституціоннаго права Англіи не мыслима безъ изслѣдованія движенія и перемѣнъ въ факторахъ общественнаго мнѣнія. До сихъ поръ еще сохраняющая силу, неподражаемость англійскаго парламентаризма коренится между прочимъ въ тѣхъ основныхъ элементахъ, изъ которыхъ сложилось здѣсь нѣкогда общественное мнѣніе и которые теперь уже не могутъ быть гдѣ либо воспроизведены. Этими элементами были: преобладающая идея національнаго единства, изстари запечатлѣвшаяся въ прочныхъ государственныхъ формахъ, существованіе руководящаго въ общественномъ, политическомъ и умственномъ отношеніи класса, рядомъ съ господствомъ начала гражданскаго равенства предъ закономъ, и, наконецъ, ограниченія, полагаемая могуществу централизма корпоративною жизнью и мѣстнымъ самоуправленіемъ (selfgovernment).

Особыя условія образованія общественнаго мнѣнія въ новое время сравнительно съ прошлыми вѣками созданы совершенно новыми размѣрами государственныхъ территорій. Въ современныхъ государствахъ, обнимающихъ цѣлыя націи, общественное мнѣніе не можетъ слагаться, какъ въ городской или деревенской общинѣ, путемъ непосредственнаго личнаго обмѣна идей. Когда въ средневѣковомъ или античномъ государствѣ общественное мнѣніе измѣняло свое направленіе на глазахъ современниковъ, имъ не трудно было указать виновниковъ такой перемѣны. Въ новѣй-

шемъ государствѣ развѣ только историкъ или образованный наблюдатель можетъ открыть, чьи единичныя усилія содѣйствовали образованію того или другаго общаго мнѣнія. Масса народа не въ состояніи уже назвать какое нибудь имя, подпись котораго служила бы свидѣтельствомъ и гарантіей истинности общественнаго мнѣнія.

Общественное мнѣніе является по этому вдвойнѣ безличнымъ: съ одной стороны каждый сознаетъ, что онъ самъ, лично не участвовалъ въ образованіи общественнаго мнѣнія, съ другой — онъ не можетъ указать и тѣхъ, кто были его создателями и распространителями. Въ этомъ отношеніи замѣчается, впрочемъ, нѣкоторая разница между континентомъ и Англіею; именно въ Англіи массы слѣдуютъ обыкновенно за руководящимъ классомъ, за gentry, поэтому общественное мнѣніе сохраняетъ здѣсь нѣкоторый, хотя и слабый, личный отпечатокъ.

Второй важный моментъ для образованія общественнаго мнѣнія заключается въ отличающемъ новое время развитіи техническихъ способовъ сообщенія. Нужно особое обширное изслѣдованіе, чтобы изобразить то вліяніе, которое оказали желѣзныя дороги, пароходы, почты и телеграфы не только на распространеніе, но и на созданіе коллективныхъ представленій въ человечествѣ. Конечно въ настоящее время невозможно уже, чтобы граждане со всѣхъ концовъ государства собирались ради одного лишь голо-

сованія политическихъ вопросовъ, даже безъ обсуждения ихъ, какъ это было на первобытныхъ народныхъ собраніяхъ; но благодаря вошедшимъ въ обычай путешествіямъ, для развлечения или съ торговыми цѣлями, люди, полвѣка тому назадъ отдѣленные громадными разстояніями, теперь поддерживаютъ постоянныя сношенія другъ съ другомъ. Низшіе, бѣднѣйшіе классы народа, которые при дурныхъ путяхъ сообщенія даже и послѣ уничтоженія крѣпостнаго права оставались фактически прикрѣпленными къ землѣ, то же пришли въ движеніе. Сила общественнаго авторитета, несомнѣнно покоящаяся въ значительной мѣрѣ на привычкахъ, создаваемыхъ совмѣстной жизнью и сосѣдскими отношеніями, ослабла не только въ городахъ, но и въ деревняхъ. На богомолья, народныя празднества, выставки стекаются изъ далека громадныя массы народа, среди которыхъ всякія отличія въ образѣ жизни и формахъ сношеній сглаживаются, повидимому, въ той же мѣрѣ, какъ и мѣстныя особенности въ нравахъ и экономическихъ потребностяхъ. Подобно внѣшнему костюму и своеобразія духовной одежды людей, сообщающія оригинальный складъ ихъ мысли, все болѣе и болѣе уравниваются при общей нивелировкѣ всѣхъ социальныхъ неровностей.

Средства и пути для распространенія мнѣній разрослись въ настоящее время въ безпримѣрной степени. Въмѣстѣ съ этимъ существенно

измѣнились и экономическія основы жизни среднихъ классовъ: всякое приложеніе труда управляется теперь конкуренціею всемірнаго рынка, прочности каждаго промысла угрожаетъ изъ года въ годъ увеличивающіяся техническія усовершенствованія и открытія; наконецъ, во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, предварительная, специальная подготовка занимаетъ нынѣ гораздо болѣе времени, чѣмъ прежде. Въ результатъ всего этого, событіямъ общественной жизни, представляющимъ важнѣйшій предметъ общественнаго мнѣнія, удѣляется менѣе вниманія и менѣе времени. Процессъ образованія общественнаго мнѣнія часто не достигаетъ, такимъ образомъ, своего полного развитія.

Одновременное появленіе на всемірномъ театрѣ множества важныхъ событій, масса противорѣчивыхъ другъ другу слуховъ, извѣстія то подтверждающія, то опровергающія одни и тѣ же факты, все это мѣшаетъ спокойному ходу образованія общественнаго мнѣнія. Въ цѣломъ установленіе опредѣленнаго, яснаго и устойчиваго общественнаго мнѣнія встрѣчаетъ, повидимому, въ настоящее время, не смотря на улучшенія средствъ сообщенія, болѣе препятствій чѣмъ прежде.

Нѣкогда общественное мнѣніе было продуктомъ данныхъ государственныхъ традицій, народныхъ привычекъ и народныхъ нравовъ, авторитета старины и нарождающихся новыхъ потребностей.

Теперь жажда новизны и измѣненій получили такое рѣшительное господство, что общественное мнѣніе континентальныхъ странъ чувствуетъ столь же мало потребности въ твердой почвѣ историческаго преданія, какъ и въ той подготовительной работѣ, которая совершается въ мастерскихъ мысли великихъ людей, вѣрящихъ въ принципы и готовыхъ жертвовать для нихъ всѣмъ. То, что сто лѣтъ тому назадъ по общему убѣжденію составляло принципъ, обязательный для каждаго, обратилось теперь просто въ общее мѣсто, прикрывающее собою умственную лѣнь и отсутствіе самостоятельной мысли въ массахъ. Политическая фраза, господство которой никогда не исчезало вполнѣ, — въ настоящее время болѣе чѣмъ когда либо имѣетъ значеніе въ средѣ посредственностей и равнодушныхъ людей, столь многочисленныхъ въ современномъ обществѣ.

Многіе присоединяются въ настоящее время къ тому или другому мнѣнію потому только, что оно искусно связывается съ какою нибудь ходячею фразою или общимъ мѣстомъ, принимаемымъ за аксіому. Объясненіе этому нужно искать или въ умственной лѣни, избѣгающей всякой работы мысли, или въ усталости отъ чрезмѣрнаго напряженія силъ въ экономической дѣятельности.

Главнымъ вопросомъ при изслѣдованіи происхождения общественнаго мнѣнія остается по-стоянно: какое отношеніе существуетъ между

старыми преданіями національной жизни, содержаниемъ вновь нарождающихся мнѣній и дѣятельностью руководящихъ личностей въ обществѣ? Предшествовало ли созданію общественнаго мнѣнія перекрестное публичное обсужденіе противоположныхъ воззрѣній? Кто принималъ въ немъ участіе? Какую долю въ сложившемся мнѣніи слѣдуетъ приписать предрассудкамъ толпы и какую — добросовѣстному изслѣдованію фактовъ, на которомъ оно основано?

Что общественное мнѣніе массы не составляетъ обыкновенно результата тщательной провѣрки и разсмотрѣнія фактовъ — объ этомъ уже было говорено выше. Мнѣнія, постепенно приобретающія характеръ господствующихъ, складываются изъ взаимодѣйствія цѣлаго ряда активныхъ и пассивныхъ факторовъ. Между послѣдними первое мѣсто занимаетъ потребность подражанія, играющая важную роль не только во внѣшней сторонѣ жизни: въ одеждѣ, наружности, формахъ общественныхъ сношеній, но также и въ области мнѣній. Большая часть людей, стоящихъ на низшихъ или среднихъ ступеняхъ развитія, охотно усваиваютъ тѣ взгляды на общественныя дѣла, которые имъ всего чаще приходится слышать вокругъ себя или которые высказываются всего громче. Если эти взгляды не встрѣчаютъ возраженій въ ближайшемъ кругу, они считаются уже не подлежащими опроверженію. Не рѣдко мнѣніе почему либо пред-

ставляющаеся общимъ дѣлается такимъ и на самомъ дѣлѣ и каждый тѣмъ скорѣе пристрастятъ къ нему, чѣмъ болѣе сознаетъ трудность выработать личными усилиями самостоятельное политическое убѣжденіе. Чѣмъ болѣе пассивною является отдѣльная личность, чѣмъ усерднѣе схватывается она за тѣ мнѣнія, которыя кажутся ей господствующими, тѣмъ менѣе приходится ей опасаться упрека въ непостоянствѣ, удерживающаго столь многихъ отъ признанія выражаемыхъ ими идей за свои собственные. Если то или другое мнѣніе выдается не только за личное, но и за всеобщее—отвѣтственность за него не можетъ падать на единичную личность.

Гораздо болѣе дѣйствительное вліяніе на настроеніе умовъ, чѣмъ всевозможныя разсужденія, оказываютъ крупныя факты, глубоко проникающіе въ народную жизнь. Очень часто общественное мнѣніе есть только эхо побѣднаго грома пушекъ на полѣ сраженія. Въ 1866 г. побѣды въ Богеміи вызвали измѣненіе въ направленіи общественнаго мнѣнія Пруссіи, окончательно завершившееся и охватившее всю Германію послѣ событій 1870 г. Равнымъ образомъ и во Франціи въ 1870 г. мы замѣчаемъ необыкновенно быстрый неблагопріятный для Наполеона III поворотъ въ общественномъ настроеніи, если только можно считать майскій плебисцитъ того года за вѣрное или хотя приблизительно вѣрное выраженіе общественнаго мнѣнія.

Опытъ французской исторіи съ конца прошлаго вѣка показываетъ намъ, что огромное общественное и политическое вліяніе столицъ распространяется и на образованіе господствующихъ мнѣній въ странѣ. Часто говорятъ—и не безъ основанія—что мнѣніе Парижа и мнѣніе Франціи одно и то же. Правительство, которое, подобно второй имперіи, имѣло Парижъ противъ себя, могло держаться только опираясь на физическую силу. Зависимость провинцій отъ столицы и степень ихъ склонности слѣдовать мнѣніямъ, господствующимъ въ политическихъ центрахъ, бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе административная и политическая централизація вѣдрена въ странѣ и чѣмъ сильнѣе то вліяніе, которое столицы, въ родѣ Парижа, оказываютъ одновременно и въ области наукъ, искусствъ, вкусовъ и модъ, торговли и промышленности. Процессъ образованія господствующихъ мнѣній въ политикѣ мало отличается отъ того, которымъ создаются и преобладающіе вкусы извѣстной эпохи.

Во Франціи популярность руководящихъ государственныхъ дѣятелей и на самомъ дѣлѣ не прочнѣе модныхъ покрововъ одежды; можетъ быть даже она мѣняется еще быстрѣе. Та безмѣрная любовь, которою пользовался, на примѣръ, Ламартинъ послѣ изгнанія орлеанскаго дома, вездѣ въ Франціи была бы столь же немислима, какъ и быстрота, съ которою этотъ идолъ толпы

сдѣлался вслѣдъ затѣмъ предметомъ всеобщаго публичнаго осмѣянія.

И въ Англіи, подобно Франціи, Лондонъ является центромъ политической жизни всей страны и главнымъ представителемъ общественнаго мнѣнія. Въ Германіи, Италіи и Австріи вліяніе столицъ не чувствуется еще въ такой же сильной мѣрѣ.

Было бы безъ сомнѣнія вполнѣ ошибочно думать, что общественное мнѣніе всегда слагается путемъ подражанія данному примѣру. Какъ бы ни была сильна наклонность къ такому подражанію, все-таки встрѣчаются случаи, когда общественное мнѣніе возникаетъ само собой, самопроизвольно. Всего скорѣе этого можно ожидать, когда оно является отголоскомъ оскорбленнаго нравственнаго чувства народа. Народное чувство вообще самостоятельнѣе народнаго мнѣнія. Кажется даже, что въ настоящее время общественное мнѣніе только въ тѣхъ случаяхъ и оказывается устойчивымъ, когда въ него такъ или иначе приходится элементъ чувства. Отсюда понятна та рѣшительность и твердость, съ которою общественное мнѣніе Сѣверной Америки возстало противъ невольничества негровъ, послѣ того какъ отрицающія рабство моральныя ученія, первоначально находившія поборниковъ только въ штатахъ Новой Англіи, распространены были при содѣйствіи многочисленныхъ переселенцевъ изъ Европы по всей территоріи союза.

Не подлежитъ сомнѣнію, что несмотря на защиту, которую находило себѣ невольничество со стороны нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей, и на терпимость, оказываемую ему закономъ, оно было уже безвозвратно осуждено единогласнымъ приговоромъ общественнаго мнѣнія всѣхъ свободныхъ штатовъ союза и цѣлаго образованнаго міра, когда во время гражданской войны происходила его законодательная отмѣна.

Активные факторы, участвующіе въ созданіи господствующаго народнаго мнѣнія, служатъ обыкновенно въ тоже время и средствами выраженія этого мнѣнія. Это можно сказать напримѣръ о тѣхъ массовыхъ петиціяхъ, которыя играли такую важную роль въ исторіи англійскаго парламентаризма. Собраніе подписей въ подобныхъ случаяхъ, въ особенности, если оно производилось дѣятельными людьми, пользовавшимися мѣстнымъ вліяніемъ, служило средствомъ для образованія извѣстныхъ мнѣній въ населеніи, любящемъ выражать числами политическія силы. Въ тоже время петиціи являлись и какъ выраженіе господствующихъ мнѣній по тѣмъ или другимъ вопросамъ. Въ настоящее время подобныя демонстраціи потеряли уже значительную долю своего значенія; каждая петиція, преслѣдующая сколько нибудь серьезныя цѣли, вызываетъ обыкновенно движеніе и въ противоположномъ направленіи.

Оба указанныя направленія дѣятельности мо-

гутъ имѣть также и народныя собранія. Впрочемъ, собранія эти только въ томъ случаѣ могутъ создавать господствующее мнѣніе, если на нихъ добросовѣстно воспроизводятся всѣ оттѣнки существующихъ воззрѣній и если спорныя и сомнительныя положенія находятъ приблизительно равносильныхъ защитниковъ и противниковъ; безъ этихъ условій даже и единогласныя рѣшенія собраній различныхъ политическихъ партій не могутъ служить свидѣтельствомъ того или другаго направленія общественнаго мнѣнія. Въ настоящее время политическія сходы и ихъ резолюціи болѣею частью служатъ только средствомъ произвести смотръ наличнымъ силамъ партій, поддерживать дисциплину въ ея рядахъ и подкрѣпить колеблющихся и слабыхъ членовъ партій. Надо сознаться, что при энергичномъ пользованіи правомъ сходовъ и при многочисленности ихъ, въ глазахъ зрителей создается видимость мнѣнія, обладающаго силою; это неизбежно вызываетъ дѣятельность подражанія и ведетъ къ дальнѣйшему распространенію даннаго мнѣнія.

Но самымъ важнымъ изъ всѣхъ факторовъ, обладающихъ двойнымъ свойствомъ и создавать и представлять господствующее мнѣніе, является, безъ всякаго сомнѣнія, печать.

ГЛАВА VII.

Общественное мнѣніе и печать.

Права печати, какъ показываетъ ихъ историческое развитіе, основываются съ одной стороны на сознаніи присущаго каждому права свободно и безпрепятственно выражать свои политическія мнѣнія, а съ другой на сознаніи тѣхъ удобствъ, которыя представляетъ печатная форма для широкаго распространенія индивидуальныхъ мнѣній, когда они являются выраженіемъ мнѣнія общественаго.

Свободѣ печати совершенно справедливо приписываютъ болѣе важное значеніе, чѣмъ праву сходовъ. Требованія, чтобы правительственная цензура не касалась печатнаго выраженія мнѣній, возникли еще въ то время, когда періодическая печать была слабо развита и главнымъ орудіемъ для изложенія политическихъ идей являлись брошюры и книги.

Фактически дѣло происходило такимъ образомъ: когда въ Англіи установилась свободная печать, кругъ читающихъ былъ гораздо тѣснѣе, чѣмъ теперь. Границы ему полагались тогдашнею, крайне несовершенною, организаціею книжной торговли. Число пишущихъ тоже не могло идти въ сравненіе съ размѣрами теперешняго литературнаго рынка. Денежный рискъ пред-

пріятія по большей части лежалъ на авторахъ. При всемъ томъ люди, обладавшіе особымъ талантомъ изложенія или громкимъ литературнымъ именемъ, могли своими книгами и брошюрами вліять на ходъ общественнаго мнѣнія.

Съ безмѣрнымъ развитіемъ журналистики въ новѣйшее время положеніе дѣлъ значительно измѣнилось. Интересъ къ періодической политической прессѣ, въ особенности ежедневной, распространился очерь широко въ обществѣ. Масса людей не читаетъ теперь по политическимъ вопросамъ ничего или почти ничего кромѣ ежедневныхъ газетъ. Значеніе брошюръ и большихъ сочиненій существенно уменьшилось въ сравненіи съ прежнимъ. Даже на тѣхъ, которые вовсе не умѣютъ или не хотятъ читать, газеты не остаются безъ вліянія; и эти люди соображаютъ свои мнѣнія съ тѣмъ, что, какъ они слышали, говорятъ газеты.

Число пишущихъ возросло по отношенію къ прежнему въ такихъ же размѣрахъ, какъ и число читающихъ. Писатель настоящаго времени отличается отъ стараго писателя тѣмъ, что не несетъ матеріальной отвѣтственности за событія своихъ произведеній. Издержки печатанія не могутъ уже служить задержкою для выраженія того или другаго мнѣнія. Напротивъ, сдѣлалось общимъ правиломъ, что сотрудничество въ большихъ изданіяхъ оплачивается и даетъ большинству писателей средства къ жизни.

Сотрудники журналовъ, за исключеніемъ редакторовъ, не несутъ никакой отвѣтственности и предъ читающею публикой. Не заботясь о томъ, чтобы стать извѣстными, они избавляются за то и отъ отвѣтственности за невѣрное сообщеніе фактовъ, за личные выходы въ полемикѣ, за оскорбленіе нравственнаго чувства и нарушеніе законовъ языка. Анонимъ защищаетъ ихъ не только отъ преслѣдованія суда, но и отъ нравственнаго приговора публики. Отличительными признаками журнальной работы являются: быстрота въ сообщеніи новостей дня, одностороннее освѣщеніе политическихъ событій, сообразно съ политическими взглядами читателей, и стараніе удовлетворить предполагаемой въ публикѣ потребности въ развлеченіи.

Вся вообще печать, служащая политическимъ цѣлямъ, за немногими исключеніями, не имѣющими большаго значенія, можетъ быть раздѣлена на двѣ категоріи: къ одной принадлежатъ журналы, содержаніе которыхъ опредѣляется соображеніями доходности, что само по себѣ, — въ виду большихъ капитальныхъ затратъ на изданія, сдѣлавшихся въ настоящее время необходимыми, не представляется еще заслуживающимъ порицанія. Другую категорію составляютъ такіе листки, которые, въ всякихъ денежныхъ соображеній, вызываются потребностями политической агитаціи. Иногда и та и другая цѣль соединяются вмѣстѣ, такъ что журналъ опредѣленно и явно

тенденціозный, въ тоже время благодаря интересу своего содержания можетъ привлекать къ себѣ и публику, стоящую внѣ партіи.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что большинство читающей публики придерживается одного какого нибудь изданія. Тамъ гдѣ возможенъ выборъ между нѣсколькими журналами, издающимися въ одномъ мѣстѣ, преимущество отдается тому, который ближе подходитъ къ политическимъ воззрѣніямъ читателей или отвѣчаетъ какимъ нибудь специальнымъ, напримѣръ, промышленнымъ или торговымъ потребностямъ, или же, наконецъ, отличается дешевизною, занимательностью, вниманіемъ къ мѣстнымъ интересамъ и т. п.

Чтобы судить о плодотворности ежедневной прессы данной страны, необходимо обратить вниманіе на степень образованности тѣхъ, кто является ея руководителями и постоянными дѣятелями. При этомъ нельзя упускать изъ виду особенныхъ условій каждой страны, представляющихъ большія различія. Слѣдуетъ взвѣсить: настолько ли высоко значеніе журналистики и мѣсто занимаемое ею въ общественной жизни, чтобы она могла привлечь къ себѣ людей, выдающихся дарованіемъ или характеромъ, представляя имъ средства достигнуть виднаго положенія въ обществѣ и въ правительственныхъ сферахъ, или же она открываетъ просторъ только для демагогическихъ успѣховъ въ низшихъ слояхъ общества;

возможны, наконецъ, и такіе случаи, когда карьера политическаго писателя отталкиваетъ отъ себя большинство, благодаря тому, что правительство преслѣдуетъ печать крайнимъ недоверіемъ, прокуратура съ душою въ рукахъ разсматриваетъ промахи неприятныхъ власти органовъ, а суды видятъ въ неодобрительной критикѣ правительственныхъ дѣйствій неумѣстное вмѣшательство непризванной толпы и противозаконныя стремленія къ оскорбленію власти.

Въ государствахъ, гдѣ администрація относится къ гласности съ враждою и гдѣ даже тонкіе юристы съ трудомъ могутъ различать едва уловимую черту, отдѣляющую дозволенную критику отъ воспрещеннаго звона, въ такихъ государствахъ люди пріобрѣвшіе политическую опытность на государственной службѣ и обладающіе богатымъ запасомъ знанія, держатся обыкновенно въ дали отъ ежедневной прессы, опасаясь,—справедливо или несправедливо—преслѣдованій со стороны начальства и неудовольствія своихъ сотоварищей. Кроме того, для нѣкоторыхъ препятствіемъ къ участию въ прессѣ служитъ недостатокъ навыка излагать основательныя и дѣльныя мнѣнія въ такой формѣ, которая пришлась бы по вкусу редакторской цензурѣ.

До сихъ поръ руководство прессою принадлежитъ еще людямъ, получившимъ научное образованіе, но во всякомъ случаѣ качествами имѣющими рѣшительное значеніе для профессіи

журналиста являются формальное искусство изложения и умѣніе быть занимательнымъ. Направление образованія журнальныхъ дѣятелей по большей части философское и эстетическое. Въ результатѣ этого даже на лучшей части прессы замѣчается отпечатокъ доктринерскаго, абстрактно-философскаго элемента; діалектическая ловкость въ полемикѣ перевѣшиваетъ точность въ передачѣ фактовъ и умѣнье быстро пользоваться статистическимъ матеріаломъ; вопросы, для правильного обсужденія которыхъ требуется практическая опытность, отодвигаются обыкновенно на задній планъ.

Такъ какъ въ большей части европейскихъ государствъ на научно-политическія знанія обращается мѣлѣе вниманія, чѣмъ на чисто литературное, эстетическое образованіе или на пріобрѣтеніе специальныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для той или другой профессіи, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и на прессѣ отражается складъ образованія лицъ, ею руководящихъ: съ одной стороны, мы встрѣчаемъ, рядомъ съ рѣзкою тенденціозностью, преобладаніе общихъ отвлеченныхъ принциповъ, стремленіе къ формулированію ученій, претендующихъ на безусловную непогрѣшимость, съ другой—узкія, специальные воззрѣнія, стоящія на частно-правовой почвѣ.

Можно сказать, что въ большей части странъ ежедневная печать не признаетъ другой зависимости кромѣ зависимости отъ своей партіи и не пре-

слѣдуетъ иныхъ цѣлей, кромѣ возможнаго увеличенія вліянія этой партіи путемъ расширенія круга своихъ читателей. Она служитъ не столько органомъ общественнаго мнѣнія, сколько выраженіемъ того преобладанія, которое духъ партій получилъ во многихъ государствахъ надъ сознаніемъ духовной общности всего народа. Пресса, въ большинствѣ случаевъ создаетъ общественное мнѣніе. Трудно доказать существованіе общественнаго мнѣнія по тому или другому вопросу, если оно не нашло для себя выраженія въ печати. Въ всякой связи съ печатью стоятъ лишь извѣстныя политическія движенія въ большихъ городскихъ центрахъ, незамѣчаемыя, или не поощряемыя ежедневными газетами. Примѣры такого рода, даетъ государственная практика Соединенныхъ Штатовъ. Такъ «Knownothing party» достигла здѣсь громаднаго усиленія ранѣе чѣмъ ньюіорская пресса узнала о ея существованіи; этимъ объясняется, что во время избирательной борьбы 1856 г. почти всѣ газеты поддерживали президентскую кандидатуру Фримона, получившаго, ко всеобщему изумленію, только крайне незначительное число голосовъ.

Не малый вредъ для моральной стороны народной жизни наносится господствующимъ нынѣ обычаемъ анонимности. Пресса, историческимъ основаніемъ которой является оппозиція противъ тайны въ государственной жизни, пресса,

составляющая главную опору для всепроникающего духа гласности, руководится принципом тайны в своей собственной организации. Между тем появление предъ читающей публикой безименных авторов в сущности равносильно тому, если бы в общественных собраниях ораторы выступали предъ слушателями в масках, подобно актерамъ древнихъ трагедій. Когда печать стѣснена со всѣхъ сторонъ правительствомъ, какъ напримѣръ въ Россіи, анонимность имѣетъ еще оправданія, такъ какъ только при ея помощи могутъ проникать въ печать факты, скрываемыя, безъ достаточныхъ оснований, отъ гласности и журналистика пріобрѣтаетъ возможность пользоваться содѣйствіемъ людей, которые боялись бы выступить открыто; анонимная форма удобна также для такихъ сообщеній, которыя не могутъ явиться иначе, какъ въ редакціонной обработкѣ. Но при свободѣ государственной жизни анонимность въ общемъ правилѣ является вредною. какъ для интересовъ публики, такъ и для нормальнаго хода образованія общественнаго мнѣнія.

Прежде всего чувство справедливости требуетъ, чтобы тѣ, кто пользуется орудіемъ публичной критики, не укрывались и сами отъ встрѣчной критики. Кромѣ того, нельзя не принять въ соображеніе, что самое значеніе мнѣній, выказываемыхъ газетами, существенно зависитъ отъ личности авторовъ. Это представляется совер-

шенно очевиднымъ, когда дѣло касается предметовъ, требующихъ извѣстной доли опытности или специальной подготовки.

Не только на содержаніи, но и на формѣ литературныхъ произведеній должно бы отразиться благоприятно, еслибы каждый авторъ несъ личную отвѣтственность за свои статьи; причемъ собственно законная отвѣтственность могла бы по прежнему оставаться на редакторѣ, въ рукахъ котораго сосредоточивается цензура всѣхъ появляющихся сообщеній. Наконецъ, при условіи личной нравственной и литературной отвѣтственности, открывалось бы болѣе широкое поле дѣятельности для литературныхъ дарованій; такъ какъ органы большой прессы старались бы привлечь къ себѣ литературныя силы, которыя въ болѣе скромныхъ рамкахъ успѣли выказать свои способности въ качествѣ публицистовъ, репортеровъ или критиковъ. Конечно, законъ не можетъ отнять у писателя право скрывать свое имя. но нельзя не замѣтить, что именно въ странахъ, отличающихся наибольшею свободою, какъ Англія и Америка, государственные люди, не зараженные предразсудками, открыто признаютъ, что анонимность прессы вредитъ правильному ходу образованія общественнаго мнѣнія и что установленіе противоположнаго обычая было бы въ высшей степени желательнымъ.

Еще болѣе вреда чѣмъ въ независимой прес-

съ анонимность приносить въ прессѣ официаль-
ной или официозной, поддерживаемой на госу-
дарственные средства и получающей извѣстія
изъ правительственныхъ источниковъ, — конечно
если органы этой прессы не ограничиваются
простымъ опубликованіемъ правительственныхъ
распоряженій и извѣстій. То соображеніе, что
правительство не можетъ найти выдающихся
людей, которые согласились бы на собственный
страхъ и подъ своимъ именемъ проводить въ
общество его взгляды, неизбѣжно вредить пра-
вительственному авторитету. Официозная прави-
тельственная пресса, за исключеніемъ тѣхъ слу-
чаевъ, когда высказываемыя ею мнѣнія, нахо-
дятъ поддержку въ независимыхъ органахъ пе-
чати, всегда имѣетъ общественное мнѣніе про-
тивъ себя. Если въ безыменныхъ писате-
ляхъ независимой прессы нерѣдко предпо-
лагаютъ крупныхъ литературныхъ дѣятелей,
то относительно прессы официозной всегда
имѣетъ мѣсто противоположное предположеніе.
Тѣ нравственныя условія, которыя необходи-
мо долженъ совмѣщать въ себѣ независимый
писатель въ полусвободной странѣ, гдѣ за каж-
дый малѣйшій промахъ, онъ можетъ ожидать ли-
тературнаго процесса, достаточно объясняютъ
большое уваженіе, которымъ пользуется незави-
симая пресса. Люди, не боящіеся преслѣдованій
за свои убѣжденія, если бы даже они и при-

надлежали къ партіямъ враждебнымъ государству,
всегда будутъ занимать въ обществѣ высшее по-
ложеніе, нежели тѣ, которые купили безопас-
ность цѣною своей независимости. Вліяніе на
общественное мнѣніе тѣхъ и другихъ будетъ
безъ сравненія различно. Конечно, было бы не-
лѣпо ставить журналисту въ вину, что онъ по-
лучаетъ жалованье за свою работу не отъ лите-
ратурнаго предпринимателя, а изъ государствен-
ной кассы. Тѣмъ не менѣе то соображеніе, что
сотрудники официальной прессы очень рѣдко
имѣютъ дѣло съ принципами, а обязаны лишь
защищать тѣ или другія мѣры, что они никогда
не смѣютъ высказаться рѣшительно въ неодоб-
рительномъ смыслѣ о дѣйствіяхъ правительства,
и не имѣютъ даже права молчать, разъ заявле-
но требованіе на ихъ услуги, — такое соображе-
ніе отнимаетъ у дѣятельности этихъ писателей
всякое нравственное значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ
лишаетъ ихъ и всякой возможности вліять на
народное мнѣніе.

Если еще ко всему этому официальная или
полуофициальная печать обнаруживаетъ качества,
которыя свойственны худшей части партіозныхъ
органовъ, или въ ней, въ той же степени, про-
является нетерпимость и личное раздраженіе
относительно людей противнаго образа мыслей,
неточность въ изложеніи фактическихъ данныхъ,
неправильность въ оцѣнкѣ извѣстныхъ событій,
умолчаніе о наиболѣе важныхъ проявленіяхъ

оппозиции, — тогда можно сказать съ полнымъ правомъ, что правительство съ помощью своей прессы поддерживаетъ только на казенный счетъ дѣло своихъ враговъ. То самое правительство, которое въ сферѣ собственно ему принадлежащей, дѣйствуя и повелѣвая, встрѣчаетъ полное повиновение и уваженіе, тщетно старалось бы привлечь себѣ сторонниковъ въ области мнѣній, употребляя для этого средства, къ которымъ оно само съ недоувѣріемъ относится въ независимой прессѣ. Единственное, чего оно могло бы достигнуть — это оттолкнуть отъ себя всѣхъ честныхъ писателей, которыхъ уже одно опасеніе прослыть за тайно подкупленныхъ агентовъ, вынудить воздерживаться отъ выраженія мнѣній, солидарныхъ съ правительственными. Въ большой части континентальныхъ странъ общественное мнѣніе, по единогласному свидѣтельству независимыхъ органовъ печати, относится весьма недоувѣрчиво къ офиціозной прессѣ. Повсюду пресса эта пользуется презрѣніемъ, быть можетъ и совершенно незаслуженнымъ, но крайне характеристичнымъ для общественнаго настроенія. Повидимому, господствуетъ общее убѣжденіе, что въ офиціозной печати болѣе чѣмъ гдѣ либо высказываемыя мнѣнія являются результатомъ подкупа, тайныхъ внушеній и неприличнаго въ нравственной сферѣ давленія со стороны власти. Разъ подобное отношеніе къ правительственнымъ органамъ печати уста-

новилось и получило распространеніе, то, справедливо оно или нѣтъ, руководящее вліяніе правительства на общественное мнѣніе сводится чуть не къ нулю.

На сколько французское законодательство явилось образцомъ для законовъ о печати въ другихъ странахъ, на столько же вызвали подражаніе и приемы, употреблявшіеся второю имперією для порчи прессы.

Въ цѣломъ оцѣнка состоянія общественнаго мнѣнія въ данной странѣ всегда совпадаетъ съ оцѣнкою плодотворности и нравственнаго достоинства органовъ ея ежедневной печати. Не смотря на всевозможныя обвиненія и преслѣдованія со стороны власти, печать можетъ достигнуть высокой степени развитія и быть вѣрною представительницею общественнаго мнѣнія. Точно также, при самой широкой правительственной поддержкѣ, положеніе ея можетъ быть очень низко. Не было еще, впрочемъ, случая, чтобы офиціозная или полуофиціозная печать когда либо занимала въ духовной жизни націй мѣсто высшее, нежели партіозные органы, съ которыми она ведетъ борьбу.

Односторонняя правительственная пресса даже если она и не заслуживаетъ, справедливаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ, названія холопской прислужницы того или другого министерства, неизбѣжно является оборотною стороною патріозной прессы. По сколько печать служитъ выра-

зительницею господствующаго народнаго настроенія и воззрѣній людей, являющихся руководителями общества, къ какой бы партіи они не принадлежали, ей нельзя не приписать значенія благодѣтельнаго не только для современнаго поколѣнія, но и для будущихъ историковъ. Совершенно иной характеръ имѣетъ вліяніе той односторонней прессы, которая *), ради удовлетворенія своихъ стремленій къ господству, выдаетъ свои партіонныя мнѣнія за единственно непогрѣшимыя догматы государственной мудрости, которая чуждается честной полемики; которая пропускаетъ безъ вниманія или умышленно замалчиваетъ все, что противорѣчитъ ей предвзятымъ мнѣніямъ; которая старается набросить пегаловидную тѣнь на воззрѣнія и побужденія своихъ противниковъ и умалить личное достоинство каждаго, кто не стоитъ въ рядахъ ея партіи.

Само собою разумѣется, что органы прессы, преданной одностороннимъ интересамъ партіи всегда далеки отъ признанія общественнаго мнѣнія, когда оно является враждебнымъ защищаемымъ ими воззрѣніямъ. Смотри по внутреннюю минуту эти «отцы отечества» или относятся къ общественному мнѣнію съ безусловнымъ поклоненіемъ, или противопоставляютъ ему извѣстныя оговорки, но никогда усилія ихъ не направляются

*) Подобно „Московскимъ Вѣдомостямъ“.

къ тому, чтобы выяснить или подкрѣпить общественное мнѣніе, независимо отъ интересовъ партіи.

Вредъ, производимый ненормальными сторонами журнальнаго дѣла, не можетъ быть поставленъ въ вину исключительно одной какой нубудь партіи. Государственные люди, жалующіеся на злоупотребленія партіонной печати, сами пользуются посредничествомъ третьихъ лицъ, подказывая свои симпатіи или антипатіи зависимымъ отъ нихъ и готовымъ на услуги писателямъ, лишеннымъ политической самостоятельности и ничтожнымъ въ нравственномъ отношеніи; правительственная пресса сама подражаетъ, такимъ образомъ, тѣмъ нравамъ, которые ею осуждаются.

Если въ настоящее время на континентѣ не рѣдко приходится слышать объ извращеніи общественнаго мнѣнія, если здѣсь въ ходу противопоставленія истиннаго и ложнаго общественнаго мнѣнія, то главныхъ причинъ этого слѣдуетъ искать въ обычаѣ дѣлать извѣстные листки органами правительства или выдающихся государственныхъ дѣятелей. Многіе слабохарактерные читатели подобныхъ листовъ не рѣдко только потому и усвоиваютъ себѣ ихъ мнѣнія, что считаютъ ихъ солидарными съ воззрѣніями правительства, слѣдовать которымъ они полагаютъ для себя обязательнымъ изъ личныхъ интересовъ или просто по побужденіямъ духов-

наго рабства. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ правительствамъ незрѣлыхъ политически народовъ удается создавать, такимъ образомъ, общественное мнѣніе; но какъ бы то ни было старанія ихъ въ этомъ отношеніи не могутъ вызвать похвалы. Въ самомъ дѣлѣ, если даже подобное, искусственно вызванное, общественное мнѣніе и приняло бы правильное направленіе, оно, какъ лишенное подкладки самобытной мысли и духовной самостоятельности, во всякомъ случаѣ не будетъ обладать никакою нравственною силою. Въ противоположномъ случаѣ, если общественное мнѣніе будетъ поставлено на ложный путь, на правительство ляжетъ тяжелая отвѣтственность за задержку духовнаго развитія народа.

ГЛАВА VIII.

Задачи государства по отношенію къ общественному мнѣнію.

Нельзя себѣ представить, чтобы въ какомъ нибудь культурномъ государствѣ общественное мнѣніе лишено было бы всякихъ способовъ проявленія. Какой именно просторъ долженъ быть предоставленъ для дѣятельности общественнаго мнѣнія—это вопросъ, не допускающій общаго рѣшенія.

Если что желательно само по себѣ, безъ вся-

каго отношенія къ образу правленія и государственному строю, такъ это чтобы общественному мнѣнію предоставлялось достаточно времени для внутренней провѣрки и прочнаго укрѣпленія въ народномъ сознаніи, прежде нежели оно выскажетъ на выборахъ свой рѣшительный голосъ. Психологическая задача, предстоящая государственному дѣятелю, повсюду одна и та же. Оставляя въ сторонѣ личныя свои мнѣнія, онъ долженъ направить всѣ усилія, чтобы открыть среди запутанностей, противорѣчій и заблужденій, одностороннихъ парціальныхъ воззрѣній, истинныя черты дѣйствительнаго народнаго мнѣнія. Для него обязательно убѣдиться не были ли выводы, явившіеся результатомъ публичнаго обсужденія того или другаго вопроса, подсказаны какимъ нибудь чрезвычайнымъ возбужденіемъ, отнимающимъ у нихъ значительную долю внутренней самостоятельности. Сообразно этому долженъ онъ опредѣлить и направленіе собственной дѣятельности: ему приходится или противостоять рѣшительно общественному мнѣнію, жертвуя своимъ положеніемъ и предоставляя другимъ отвѣтственность за мѣры, по его воззрѣніямъ гибельныя, или вступить на путь отсрочекъ, чтобы дать время для новаго обсужденія сомнительныхъ сторонъ дѣла прежде принятія окончательнаго рѣшенія, или же, наконецъ, уступить въ должную минуту. Два другихъ выхода, обычныхъ въ старой государственной практикѣ, не могутъ уже

имѣть мѣста нынѣ: голосомъ общества нельзя пренебречь на долгое время или заглушить его насильственнымъ образомъ. Гегель справедливо замѣчаетъ въ своей «Философіи права».

«Въ общественномъ мнѣніи все ложь и все правда; но найти въ немъ правду—дѣло великаго человѣка. Кто выскажетъ и выполнитъ то, чего желаетъ и что требуетъ его время—тотъ великій человѣкъ этого времени».

Если бы и въ настоящее время было возможно, при помощи тѣхъ же мѣръ, къ которымъ прибѣгали нѣкогда самодержавныя правительства, насильственно подавить проявленія общественнаго мнѣнія или оставить ихъ безъ всякаго вниманія въ теченіе долгаго періода времени, это могло бы вести только къ двумъ результатамъ: или къ возстанію противъ слабого правительства вслѣдствіе отчаянія въ возможности мирнаго осуществленія желаемыхъ реформъ или же къ постепенному оупушью общественнаго мнѣнія, лишеннаго арены для своей дѣятельности.

Какое бы положеніе не было принято правительствомъ свободнаго государства, по отношенію къ тому или другому проявленію общественнаго мнѣнія, во всякомъ случаѣ существенною задачею для этого правительства остается: не только предоставить полный просторъ дѣятельности общественнаго мнѣнія, но и распознать его с'воевременно, какъ только завершится процессъ его дѣятельнаго образованія.

Затѣмъ,—что въ настоящее время представляется особенно важнымъ,—на обязанности государственной власти должно лежать и активное содѣйствіе свободному и не стѣсняемому давленіемъ партій образованію общественнаго мнѣнія.

Недостаточно еще выяснитъ причины, почему общественное мнѣние находится, ко вреду своему, въ состояніи зависимости отъ происковъ партій. Главный вопросъ заключается въ томъ: есть ли какая нибудь возможность возстановить самостоятельность и независимость народнаго сужденія въ политическихъ дѣлахъ. Народъ, способный къ самоуправленію въ государственной и общинной жизни, не можетъ не быть способнымъ вывести самостоятельныя заключенія изъ своихъ впечатлѣній и наблюденій. Наибольше вреднымъ и опаснымъ является такое положеніе вещей, когда самое примѣненіе законовъ ставится въ зависимость отъ вліянія партій, примѣры этого мы находимъ въ муниципальномъ управленіи нѣкоторыхъ большихъ городовъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.

Подобный союзъ муниципальной администраціи съ партіонною прессою, сцентрализованною въ большихъ городахъ, несомнѣнно носитъ на себѣ крайне нездоровый характеръ. Но съ другой стороны въ самой практикѣ самоуправления,—въ особенности когда дѣло идетъ о мелкихъ городскихъ и сельскихъ единицахъ,—нельзя не ви-

дѣть указанія на тотъ путь, которымъ можетъ быть достигнуто огражденіе самостоятельности общества отъ увлеченій тенденціозной прессы.

До сихъ поръ еще не было слышно, чтобы англійской прессѣ, рѣшающей иногда судьбу министерствъ, удавалось выказывать въ дѣлахъ лондонскаго сити вліяніе, хоть въ отдаленной степени напоминающее давленіе нью-іоркскаго ежедневной печати на муниципальное управленіе. Ежедневный дѣловой опытъ, привычка къ самостоятельной провѣркѣ представляющихся фактовъ, къ наблюденіямъ и къ отчетности не только даютъ участвующимъ въ самоуправленіи элементамъ народа возможность поставить надлежащія границы для анонимнаго литературнаго вмѣшательства въ ихъ собственную сферу дѣятельности,—но и помогаютъ имъ сдѣлать правильную оцѣнку критики, направленной противъ общаго хода политическихъ дѣлъ, противъ короны, министерства и народнаго представительства. Кроме того, нельзя не замѣтить, что пресса не можетъ располагать и личными силами, достаточными для дѣйствительнаго вліянія на дѣла самоуправления въ большихъ городскихъ центрахъ.

Преобладаніе ежедневной печати надъ остальными факторами общественнаго мнѣнія создано благодаря традиціямъ произвольной цензуры и судебныхъ преслѣдованій, которыя дѣлали настоящимъ мученичествомъ выраженіе сво-

бодныхъ мнѣній, не только въ деспотическихъ государствахъ, но и въ такихъ, которыя обладали призракомъ конституціонализма.

Исторически вѣрно, что въ борьбѣ власти со свободнымъ словомъ масса общества всегда становилась на сторону послѣдняго, хотя бы съ формальной, юридической стороны преслѣдованія, возбуждаемая правительствомъ, и представлялись вполнѣ основательными. Общественное мнѣніе по самому существу своему не можетъ высказаться противъ критики и въ пользу физической силы. Поэтому, въ прошедшемъ оно рѣшительно было противъ правительства.

Съ выступленіемъ на сцену множества различныхъ партій, которыя пользуются свободой слова каждая въ своихъ частныхъ интересахъ, вредное вліяніе, которое могло бы происходить отъ тенденціозной прессы, уменьшается по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ возможность приложенія на дѣлѣ мнѣній, приобретаемыхъ путемъ опыта въ самоуправленіи или путемъ добросовѣстной теоретической работы.

Усиливая самоуправленіе и корпоративный строй жизни, государство достигаетъ гораздо большихъ результатовъ, чѣмъ простое сложеніе съ себя части работы. Оно приобретаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и большую долю свободы для управленій своей центральной власти; его собственная задача косвенно уясняется ему дѣятельностью тѣхъ круговъ, гдѣ уже знаютъ по опыту,

что закодированные формулы партийных дебатов могут возвѣщать близость врага, подобно призывной трубѣ, но не даютъ правильнаго рѣшенія спорныхъ вопросовъ. Тѣмъ не менѣе остается справедливымъ, что мѣстное самоуправленіе является тѣмъ болѣе затрудненнымъ, чѣмъ тѣснѣе связь мѣстной прессы съ партіями, дѣйствующими въ централизованномъ духѣ. Съ другой стороны слѣдуетъ замѣтить, что практическое вліяніе, оказываемое въ теченіи столѣтій англійскою прессою на ходъ политическихъ дѣлъ находится въ извѣстной зависимости отъ того обстоятельства, что къ ней причастны также и элементы, участіемъ въ самоуправленіи пріобрѣвшіе нѣкоторую долю практической опытности и не дозволяющіе абстрактному доктринерству завладѣть вполне столбцами газетъ.

Только долголѣтняя практика самоуправления можетъ сдѣлать возможнымъ восстановленіе того духовнаго равновѣсія въ политическихъ дебатахъ, безъ котораго общественное мнѣніе является лишеннымъ всякаго значенія.

Независимо отъ того, что развитію прессы въ Англій предшествовала вѣковая привычка самоуправления, не лишено значенія и то обстоятельство, что при возникновеніи своемъ англійская печать не встрѣчала такой публики, которая прошла элементарную школу, но была чужда всякаго опыта въ политической жизни; тогда какъ, на оборотъ, въ Германіи пресса съ самаго на-

чала имѣла объектомъ своего воздѣйствія народныя массы, о политической незрѣлости которыхъ абсолютная монархія радѣла не менѣе усердно чѣмъ о принудительномъ ихъ обученіи.

Безъ сомнѣнія нельзя не признать вполне разумнымъ, что въ XVI столѣтіи въ протестантскомъ обществѣ стали дѣятельно заботиться о народномъ образованіи, чтобы дать возможность христіанамъ, получившимъ тогда право читать библію, удовлетворять долгу совѣсти. Но сомнительно, было ли на столько же разумнымъ, не озабочиваясь одновременно политическимъ образованіемъ народа и устройствомъ народныхъ библиотекъ, не оказывая государственнаго покровительства литературѣ, направленной на политическое воспитаніе общества, готовить съ огромными пожертвованіями ту почву, которой воспользовались люди, дѣйствующіе исключительно въ узкихъ интересахъ партій.

Въ настоящее время всѣми государственными людьми признается за фактъ, что въ современномъ обществѣ политическое развитіе народа далеко не идетъ объ руку съ распространеніемъ періодической прессы. На основаніи историческихъ преданій можно бы предположить въ Швейцаріи наиболѣе высокой средней уровень политическаго развитія народныхъ массъ; между тѣмъ союзный судья Дубсъ видитъ серьезную опасность для демократіи именно въ ужасающемъ и постыдномъ невѣжествѣ массъ. Тоже самое утвер-

ждають относительно Сѣверной Америки, Голландіи и Англии люди которыхъ слѣдуетъ называть не врагами, а благоразумными сторонниками представительной системы, хотя въ этихъ государствахъ съ давнихъ поръ обеспечены полная свобода слова и право общественныхъ собраній.

Поэтому, при организаціи народной школы, нельзя стоять исключительно на индивидуалистической точкѣ зрѣнія общечеловѣческихъ и профессиональныхъ интересовъ, но необходимо также принимать во вниманіе и общенациональныя и политическія цѣли. Въ особенности не слѣдуетъ упускать изъ виду важности широкаго естественно научнаго образованія; развитіе въ массѣ народонаселенія наблюдательности и пониманія окружающаго должно озабочивать насъ гораздо болѣе, нежели укрѣпленіе памяти, о которомъ до сихъ поръ преимущественно заботились, не обращая должнаго вниманія на правильное развитіе самостоятельнаго мышленія. Способность читать книги, которая въ послѣдствіи поведетъ, быть можетъ, къ укрѣпленію индивидуальности, теперь дѣйствуетъ по большей части совершенно обратно въ низшихъ слояхъ народа, рабски подчиняя ихъ господствующему мнѣнію минуты.

Если прежде, при воспитаніи народа, имѣли главнымъ образомъ въ виду укрѣпленіе слѣпой вѣры въ авторитетъ и права абсолютной власти государства и церкви, то такое направленіе

совершенно не соотвѣтствуетъ времени общаго гражданскаго развитія и системѣ общей подачи голосовъ. Искусственно воспитанная потребность въ авторитетѣ нынѣ можетъ только вызвать усиленіе демагогіи и партіозной прессы. Для настоящаго времени выступаютъ совсѣмъ инныя задачи: рядомъ съ воспитаніемъ патріотическаго духа, вѣрнаго исторіи, намъ предстоитъ направить въ большей мѣрѣ, чѣмъ это до сихъ поръ дѣлалось, наши усилія на воспитаніе личныхъ качествъ, служащихъ къ развитію критическаго духа, на изощреніе ума въ наблюденіи явленій природы и на выработку самостоятельнаго характера.

Но что всего важнѣе—такъ это установленіе живаго взаимодействія между облеченными избирательнымъ правомъ народными массами и массами, живущими умственной жизнью. Опытъ, къ сожалѣнію, показываетъ, что въ высшихъ классахъ общества рѣдко цѣнятся необходимость политическаго образованія народа. Тамъ, гдѣ господствуетъ демократическая система, особенно въ Сѣверной Америкѣ, многіе отказываются отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, потому что имъ противны средства и пути демагогіи и потому, что партіозная пресса мало склонна выслушивать независимые голоса; между тѣмъ, въ высшей степени важно, чтобы политическія партіи подвергались безпристрастной фактической критикѣ такихъ людей, которые заботятся объ

опѣнкѣ политическихъ мѣръ исключительно со стороны внутренняго ихъ достоинства, безразлично къ интересамъ той или другой партіи.

Поэтому то именно является необходимымъ, чтобы политическія науки сдѣлались въ большей мѣрѣ, чѣмъ это было до сихъ поръ, общимъ достояніемъ образованныхъ классовъ. При внимательномъ анализѣ весьма часто оказывается, что и въ высшихъ классахъ общества политическое образованіе, самостоятельность суждений и независимость характеровъ встрѣчаются далеко не въ той мѣрѣ, какъ это было бы желательно въ видахъ воздѣйствія этихъ классовъ на массы.

Въ Англіи члены высшей аристократіи и такіе государственные дѣятели, какъ лордъ Брумъ, лордъ Джонъ Россель, графъ Грей считали для себя честью излагать и толковать, въ популярной формѣ, конституціонное право своей страны; но мы напрасно искали бы примѣровъ, чтобы и въ другихъ государствахъ государственные люди несли въ народъ свою политическую опытность и мудрость и принимали на себя обязанность политическихъ учителей народа. Распространеніе естественно научныхъ знаній въ большей части европейскихъ странъ обязано весьма многимъ усиліямъ людей, заслужившихъ въ наукѣ великое имя; но, къ сожалѣнію, нельзя сказать того же объ истинахъ политической науки.

Извѣстная часть прессы поддерживаетъ предрассудокъ, будто бы ежедневныхъ газетъ совершенно достаточно для обезпеченія необходимаго уровня политическаго развитія народа. Нѣкоторые государственные дѣятели равнымъ образомъ считаютъ официальныхъ преподавателей государственныхъ наукъ людьми неспособными высказывать пригодныя сужденія о государственныхъ дѣлахъ, вслѣдствіе ихъ исключительно теоретическихъ занятій. Обычная чиновничья рутина, заботящаяся о томъ, чтобы общественная критика останавливалась на ней возможно менѣе и поверхностная публицистика сходятся въ общемъ пренебреженіи къ научнымъ изслѣдованіямъ въ области государственныхъ знаній.

Если общественное мнѣніе дѣйствительно представляетъ силу, способную какъ къ добру, такъ и ко злу, то государство несомнѣнно обязано употребить всѣ усилія, чтобы облегчить возможность вліянія на воспитаніе общественнаго мнѣнія наукъ, стоящей внѣ интересовъ партій. Значеніе политической науки должно опѣниваться имъ иначе, чѣмъ опѣнивалось въ тѣ времена, когда университеты состояли въ почетномъ подозрѣніи, какъ притоны независимости, укрѣпляющіе въ юношества духъ противодѣйствія абсолютизму.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ на государственныя науки падало весьма тяжелое тогда обвиненіе, что ихъ цѣли выходятъ за предѣлы про-

стаго объясненія и оправданія существующаго законнаго порядка вещей. Правительства старались поставить своихъ чиновниковъ вѣдъ всякаго соприкосновенія съ духомъ свободныхъ изслѣдованій. Политическимъ знаніямъ придавалось такъ мало цѣны, сравнительно съ чисто юридическими, что вполсѣдствіи государственнымъ дѣятелямъ приходилось жаловаться на затруднительность обсужденія въ парламентѣ государственныхъ дѣлъ, проистекающую отъ узко юридическаго образованія его членовъ.

Въ величайшемъ изъ нѣмецкихъ государствъ оффиціальное преподаваніе публичнаго права и политической экономіи остается и по нынѣ въ томъ же видѣ, въ какомъ находилось задолго до 1848 г. Не смотря на энергическія настоянія Деллингера политическая наука въ Германіи не могла до сихъ поръ добиться со стороны академіи признанія, которое давно уже завоевано ею въ другихъ странахъ. Можно найти только одно объясненіе, почему тщательнымъ и строго научнымъ наблюдениямъ надъ процессомъ образованія государственныхъ формъ отказываютъ въ томъ вниманіи, которое выпадаетъ на долю изслѣдованій свойствъ насѣкомыхъ или на долю египетскихъ древностей: въ академіи еще живы традиціи того времени, когда всякія разсужденія о политикѣ и о государственной наукѣ отождествлялись съ поверхностною, субъективною критикою правительственныхъ мѣръ. Нѣтъ надоб-

ности разяснять, что подобное воззрѣніе не имѣетъ для себя никакой почвы въ настоящее время.

Если задача всесторонней разработки государственной науки и подготовки для государства чиновниковъ, обладающихъ сверхъ юридическихъ свѣдѣній и высшимъ политическимъ образованіемъ, должна принадлежать университетамъ, то тѣмъ настоятельнѣе является потребность въ органахъ посредствующихъ между этими высшими научными учрежденіями и ежедневною печатью, органъ которой дѣлалъ бы важнѣйшіе научные результаты и методы научнаго изслѣдованія доступными и для среднихъ и низшихъ слоевъ населенія. Только подобнымъ путемъ всѣ элементы, которые должны принимать участие въ образованіи общественнаго мнѣнія получаютъ способность свободного сужденія, наконецъ и для самой прессы не только будетъ созданъ не безполезный компенсаторъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ явится и возможность болѣе правильной оцѣнки ея разумныхъ стремленій и усилій, направленныхъ на общую пользу.

Потребность въ постоянныхъ учрежденіяхъ для популяризаціи политическихъ знаній отсюда не можетъ быть удовлетворена беспсистемными и лишенными общей связи лекціями отдѣльныхъ лицъ. Само собою разумѣется что подобное учрежденіе не можетъ находиться въ зависимости отъ воззрѣній администраціи подобно

официальной или полуофициальной прессе, но должно служить свободной науке в строгом смысле этого слова. Заслуживает внимания, что в Париже и во Флоренции в течение последнего столетия возникли в университете высшие учебные заведения для общего политического образования. Этот факт указывает на потребность высшего образования, ощущаемую в кругу тех лиц, которые не могут иметь доступа в университет и не удовлетворяются вместе с тем единичными бессистемными чтениями.

Нельзя с другой стороны упускать из виду, что в Германии процесс выработки общественного мнения встречает затруднения и вследствие чрезвычайной специализации труда в научной области. Одностороннее преувеличение значения специальной учености в вопросах практической государственной жизни настолько же вредно, как и безусловная вера в мудрость облеченных избирательным правом народных масс. Для того, чтобы общественное мнение могло сделаться полезным политическим фактором необходимо уравнивающее друг друга взаимодвижение посвященных и профанов, единичных и коллективных воззрений. Ученые доктрины, недоступны массе образованного общества, имеют для государственной практики также мало значения, как и скороспелые газетные суждения, чужды теоретической основы.

Какую бы пользу ни извлекала теоретическая наука из принципа специализации и разделения труда, для потребностей практической государственной жизни необходимо всего более сосредоточение сил, направленных на применение научных теорий к государственной практике. Вот почему строго специальные собрания юристов, экономистов, врачей, педагогов, тюремщиков в Германии не могут принести государству такой пользы, как «английское национальное общество для развития государственных наук», в котором ученые специалисты и практические деятели в области народного здоровья, народного хозяйства и народного образования сходятся вместе, чтобы общими совокупными усилиями содействовать разработке возникающих вопросов и правильному направлению общественного мнения.

Если охранение общественного мнения от влияния страстей и заблуждений политическими партиями должно принадлежать самому обществу, если свободные общественные органы должны взять на себя задачу предварительной подготовки массы избирателей путем безпристрастного обсуждения всех важнейших фактов общественной жизни, прежде нежели наступит минута высказать о них решающий приговор, — в таком случае трудно предположить чтобы даже в отдаленном будущем можно было отказаться от привычной, укоренившейся формы пе-

риодической печати, какъ орудія для воспитанія общества въ школѣ свободы слова.

Но свобода слова только тогда принесетъ всю доступную ей пользу для политическаго образованія общества, когда всѣ литературныя силы, обладающія опытностью и нравственною независимостью и отличающіяся дѣятельнымъ стремленіемъ къ общественному благу, будутъ призваны къ политическому воспитанію общества, когда печатное слово поставитъ ихъ лицомъ къ лицу съ массою публики. Тамъ гдѣ тенденціозная печать достигаетъ такого полного и безусловнаго господства, что дѣлаетъ невозможнымъ появленіе на аренѣ журналистики людей, стоящихъ во главѣ партій, на государствѣ лежитъ обязанность создать коррективъ этому ненормальному положенію дѣла. Если бы вмѣсто поддержки теперешней, лишенной всякаго значенія, оффиціозной прессы правительство старалось вызвать независимую и безпристрастную научную критику своихъ мѣропріятій, дѣлу общественнаго развитія была бы оказана существенная услуга. При существованіи такой критики, общественному мнѣнію было бы гораздо легче судить безошибочно, созрѣлъ ли тотъ или другой вопросъ для окончательнаго рѣшенія или же онъ нуждается еще въ дальнѣйшей разработкѣ.

Даже въ абсолютныхъ монархіяхъ считается необходимымъ отдавать важныя законопроекты

на судъ общества прежде окончательнаго ихъ утвержденія. Въ наше время потребность въ независимой и свѣдущей критикѣ особенно чувствительна. И неизбежная поспѣшность, съ которою законопроекты во многихъ случаяхъ проходятъ всѣ стадіи парламентскаго обсуждения, и существованіе многочисленной группы людей, могущихъ оказать пользу своими познаніями, и потребность въ болѣе тщательной подготовкѣ законодательныхъ работъ—все указываетъ на необходимость обезпечить государственными мѣрами существованіе своевременной, направленной на практическія дѣла критики, создавъ для нея возможность безпрепятственнаго выраженія мнѣній.

Для развитія представительной системы и парламентскаго образа правленія въ высшей степени важно, чтобы представители народа сознали границы возможнаго въ законодательной области, чтобы они сами гарантировали себя отъ необдуманыхъ и поспѣшныхъ рѣшеній, пользуясь содѣйствіемъ тѣхъ людей, заботы которыхъ направлены на выясненіе общественнаго мнѣнія по даннымъ, подлежащимъ голосованію, вопросамъ. Горечь критики, направленной на свершившіяся уже и не подлежащіе измѣненію факты, взаимное раздраженіе партій, борящихся изъ за большинства голосовъ, были бы значительно смягчены, если бы выдающіеся люди, независимые и отъ партіонныхъ предразсудковъ

и отъ давленія администраціи, имѣли возможность, за отвѣтственностью своего уважаемаго имени, публично выяснитъ, что каждое мнѣніе заключаетъ въ себѣ долю истины, и что кромѣ борящихся воззрѣній возможны еще и другія, для развитія которыхъ парламентскіе дебаты не даютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ надлежащей почвы.

Для добросовѣстнаго представителя народа можетъ быть только желательно своевременно освоиться съ ходомъ общественнаго мнѣнія.

Вотъ что говоритъ лордъ Брумъ объ отношеніяхъ народнаго представительства къ печати: «Если независимыя мнѣнія просвѣщенныхъ людей распространяются и получаютъ всеобщее признаніе, если безбоязненно вскрываются наружу заблужденія господствующей политической системы, если недовольство народа противъ зла пустившаго корни выражается обвиненіемъ существующихъ властей—этимъ оказывается только услуга обществу. Народные преставители не могутъ жаловаться, когда избиратели лишаютъ ихъ своего довѣрія и берутъ назадъ полномочія, которыми они были облечены: они должны быть довольны если дѣло истины торжествуетъ; ихъ собственная дѣятельность нисколько не стѣсняется этимъ; напротивъ ихъ добрыя намѣренія встрѣчаютъ скорѣе поддержку, чѣмъ противодѣйствіе.

«Но когда ядъ личныхъ нападокъ отклоняетъ

народнаго представителя отъ того пути, который указываютъ ему его собственные убѣжденія, когда страхъ предъ порицаніемъ заглушаетъ въ немъ чувство долга, когда съ единственною цѣлью добиться одобренія со стороны вліятельнаго органа прессы или обезоружить его неудовольствіе, онъ направляетъ свой голосъ согласно его желаніямъ, его нельзя не пазвать измѣнникомъ своему дѣлу; въ глазахъ всѣхъ разумныхъ людей онъ является такимъ же преступникомъ, какъ и тѣ, кто вынуждаетъ его къ подобной измѣнѣ.»

Хотя даже строгіе методы статистическихъ, философскихъ и народнопсихологическихъ изслѣдованій не исключаютъ возможности заблужденія, тѣмъ не менѣе едва ли возможно сомнѣніе, что среди всѣхъ нравственныхъ авторитетовъ, существующихъ въ человѣческомъ обществѣ, наука должна занимать первое мѣсто. На ея представителяхъ лежитъ обязанность заботиться не только о дальнѣйшемъ обогащеніи области знанія, но также и о томъ, чтобы великія истины,—научная разработка которыхъ повидимому вполне обезпечена,—могли получить примѣненіе къ потребностямъ общества и были бы направлены на благо народа. Далекіе отъ борьбы партій, свободные отъ притязаній на непогрѣшимость, чуждые самоувѣренности, не терпящей возраженій, и подъ предлогомъ непреложности научныхъ истинъ, прекращающей всякое обсужде-

не своихъ мнѣній, готовые всегда къ новой провѣркѣ сомнительныхъ положеній и къ признанію каждой ошибки, чуждающіеся дисциплины партій, обязывающей держаться крѣпко развѣ принятыхъ рѣшеній—люди науки обязаны по мѣрѣ силъ и крайнему разумѣнію принять участіе въ созданіи общественнаго мнѣнія.

Не одно естествознаніе, но и политическія науки должны выступить изъ стѣнъ аудиторій на широкія нивы общественной жизни и доказать, что онѣ, при полной свободѣ слова, способны стать прочной опорой общественнаго мнѣнія. Въ послѣдней инстанціи единственно правомѣрными элементами общественнаго мнѣнія являются: нравственное сознаніе гражданской обязанности и всѣми чувствуемая сила науки, ученія которой, подкрѣпленныя новѣйшими разсужденіями, оказались побѣдоносными по отношенію къ предрасудкамъ, суевѣріямъ и заблужденіямъ страстей.

Если бы нравственному состоянію общества, въ самомъ дѣлѣ, грозила опасность, то мы тщетно искали бы спасенія отъ нея въ возвращеніи къ старымъ, насильственнымъ мѣрамъ противъ свободнаго выраженія мнѣній и въ ограниченіи гражданскихъ вольностей. Съ гораздо большимъ правомъ мы можемъ примѣнить къ нашему времени то, что І. Г. Фихте сказалъ въ предисловіи къ своей этикѣ непосредственно послѣ потрясеній 1848 г.

«Только наука, основанная на вѣрѣ въ могущество вліянія, оказываемаго на человѣчество идеями, можетъ спасти насъ.»

Это не значитъ, конечно, чтобы ученые претендовали на какое-нибудь исключительное положеніе въ обществѣ подобно греческой каствѣ.

Это не значитъ также, чтобы нужно было измыслить какія нибудь новыя политическія теоріи, которыя дали бы ключъ къ разрѣшенію практическихъ затрудненій. Приведенное мѣсто слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что только авторитетъ науки достаточно силенъ, чтобы дать противовѣсъ притязаніямъ на непогрѣшимость или политикѣ экспериментовъ преслѣдуемой людьми, которые, довѣряя внушеніямъ своего генія, готовы поставить на карту народное благосостояніе. Только одна наука и только въ томъ случаѣ, если всѣ ея представители проникнутся кромѣ стремленія къ славѣ научныхъ открытій и чувствомъ обязанности быть наставниками народа, можетъ возвысить общественное мнѣніе до той ступени, на которой она приобрѣтетъ нравственное значеніе.

Наука должна быть наставницею общественнаго мнѣнія. Не только знаніе но и нравственная воля народа въ политической области должна составлять предметъ ея заботливости.